

Двойной портрет: Брежнев – Горбачев

Идея пришла в голову моему другу профессору Владлену Логинову, которому в своих работах приходилось заниматься и проблемами «вождей». Он убеждал, что у меня получится. Ты, говорит, с обоими работал, ты прожил обе их «эпохи», ты их видел вблизи, как мало кто из оставшихся в живых!

Не без колебаний я согласился, – тем более, что идею поддержали другие мои коллеги с последней моей «службы». Но еще и потому, что я – окончательно теперь в свои 91 год пенсионер, которому чем-то нужно заняться.

Предлог для такой темы оказался кстати: сравнительно недавно перевалило за сотню лет со дня рождения Брежнева. Скоро – 30-летие со дня его смерти. В прошлом году Горбачеву исполнилось 80. Недавно состоялось 25-летие его прихода к власти и 20-летие ухода из Кремля.

Вроде как – формальность. Но человечество воспринимает свое существование по календарному графику.

Почему такая «пара»? О людях, совершенно, казалось бы, не похожих.

Однако история свела их в общий контекст страны и мира во 2-ой половине XX столетия. Тому и другому пришлось возглавить великую державу, «империю» в период её упадка и окончательного падения.

Случайно ли в нарезанные историей периоды в руководителях страны оказались именно они? Отнюдь. Сам тот факт, что их личность столь заметно запечатлелась в жизни государства и общества, свидетельствует о том, что они были именно тогда востребованы внутри и вовне, – что они органичны для нашей нации в тех ее состояниях. Один олицетворял медленно уходящий сталинизм и охранительное хвостовство. Другой время, которое образно можно представить так: вот вам свобода и почти все позволено, но в пределах справедливости.

Личность Брежнева, как ни странно (весьма дюжинный человек по природным данным), наложила выразительный отпечаток на все его годы при

власти – и как символ, и как фактор, если не развития, то, во всяком случае, **бытования** тогдашнего советского общества. Не зная хотя бы приблизительно, каков он был, невозможно представить себе более или менее реальную картину тогдашнего нашего времени.

Горбачев, личность явно незаурядная. Вычеркивая его и перестройку, как это делают после него наши правители и услуживающие им СМИ, мы отказываем себе в возможности (и моральном праве) разглядеть (скорее всего, единственно альтернативную апокалипсису) перспективу эпохи, начало которой положил Горбачев.

Достойны ли эти два человека доставшегося им поста, – вопрос не для историка, а для шоумена. То, что они там оказались, – исторический факт, у которого тысячи самых разнообразных причин, – предмет изучения для многих наук, не только гуманитарных.

Став во главе великой страны, они сыграли ту роль, какую только они и именно они могли сыграть. И роль значительную.¹

Что касается их «взаимосвязи», то тут еще проще: не было бы Брежнева – не было бы и Горбачева. И судьба «дела» Брежнева не была бы такой, какой его «завершил» Горбачев. А судьба «дела» Горбачева была бы иной, если бы ему не предшествовала «эпоха Брежнева».

Неизбежность исчезновения этой эпохи ощущалась вполне отчетливо. Оно – этот упадок – шло по всем линиям – экономической, политической, идеологической, обнаруживало себя в ментальной и возрастной деградации на высших этажах власти. Все это более или менее фотографично отражено в моем дневнике, изданном книгой «Совместный исход».

Симптомы разложения учащались. КГБ докладывал не только о диссидентах и эмигрантских настроениях, но и о забастовках то здесь, то там, о микробунтах, о попытках мятежей, в том числе с национальной окраской. Опасным для режима (в свете нашей предреволюционной истории, когда

¹ Оговорюсь, на всякий случай, что в моем «сочинении» речь пойдет о Горбачеве как государственном деятеле во власти, а не потом, когда пошла совсем другая история, которая не могла не отразиться и на его личности.

произошел открытый разрыв между властью и наиболее культурным элементом общества) было, что от него отшатнулась интеллигенция – не только убежденные антисоветчики типа Солженицына, а обычная, обывательская, рядовая. Уже мало кто считал советскую (социалистическую) власть «своею».

Дело могло кончиться всесоюзным «Новочеркасском»², и не обязательно с таким же результатом, как у Хрущева в 1962 году. Альтернативой было нечто подобное тому, что предложил Горбачев. Именно такого типа лидер был неизбежен. Ибо назрело (и перезрело, как и 100 лет назад) раскрепощение, которое давало надежду и возможности. А что получилось, это уже другой вопрос. Готов согласиться с кандидатом в президенты Михаилом Прохоровым, который у Познера сказал примерно следующее: ломать надо было, но не знали и не могли знать, чем заменять.

В результате получили ельцинщину и путинщину, которая возвращает Россию «на круги своя», подтверждая печальную мудрость Ключевского.

Как писать такое «сочинение»? Сначала об одном, потом – о другом? Но тогда не получится «двойного портрета» и, пожалуй, банально. Значит, надо ухитриться давать их в сопоставлении. Но кого больше? Наверно того, кто больше забыт. Решил отобрать такие темы, в рамке которых эти люди виднее и как индивидуумы, и как политики. Скажем, «война и мир», место своей страны в мировом сообществе, экономика, национальный вопрос, идеология, «проблема женщины», самооценка. И что-то попутно.

I.

У Брежнева и Горбачева общий «выход» в лидеры «союзного масштаба». Они – из номенклатуры, причем – из тех, кто отличился на «партийно-хозяйственной» работе (если употреблять термины их времени) на обкомовско-республиканском уровне.

² Имеются ввиду события 1-2 июня 1962 года в г. Новочеркасске Ростовской области, известные в истории СССР как «Новочеркасский расстрел»

«По крови» – оба украинско-русского происхождения. У Брежнева, правда, это официально не обозначено. Но мужской тип не русский, достаточно поставить рядом с такими его коллегами, как Косыгин, Устинов или Сулов. Имеет ли это значение? Имеет. Достаточно поразмышлять о том, что было бы со страной, с нами, если бы на рубеже 20-х – 30-х годов во главе оказался бы, скажем, Киров, Рыков или Бухарин, а не Сталин.

По характеру оба не мстительны и не злобливы. Оба не в полной мере использовали непомерную власть, исходящую от должности. Много – причем в главном – делалось помимо них и вопреки им.

Брежнев как человек «в себе и для себя». Те, кто общался с ним в Завидово – его загородном охотничьем хозяйстве – или в других местах, работая над текстами для него, могли наблюдать его «вне службы», соприкасаться с его вкусами, «измерять» его «культурный уровень», оценивать его манеры, приятные и неприятные. Он не очень-то закрывался от нас, окружавших его за городом, в «бытовой обстановке». И не потому, что он такая уж открытая натура, нараспашку. Скорее это походило на поведение доброго барина, который не считает нужным стесняться себя в чем-то в присутствии «дворовых», к которым привык, и уверен, что особенно болтать они поостерегутся. (Кстати, ничего подобного не было и даже представить себе невозможно у Горбачева).

Однако была и другая сторона его «открытости». Он приблизил к себе интеллигентов «высшей советской пробы» – Иноземцев, Бовин, Арбатов, Загладин, Шишлин, Ковалев (из МИД'а)... Допущенные к сверхзакрытой информации, широко образованные, реалистически мыслящие и владеющие пером, они сумели использовать «разумное и доброе» в натуре Генсека для корректировки политики – там, где это было возможно в рамках системы.

Регулярное неформальное общение их с Брежневым, советы, собственные мнения и возражения, в которых они себя с ним не стесняли, а, главное, – «стилистика» изложения политических установок, которая была на 90% в их руках, сказались, прежде всего, во внешних делах, а именно – в повороте к курсу

на разрядку с Западом, в изменении отношения к «третьему миру»: отход от безоглядной поддержки «национально-освободительного движения», опасной, недальновидной, наносившей вред нашим государственным интересам.

Доверенная этим людям «форма» провозглашения политики снимала с не идеологическую оголтелость, что в ядерный век и вообще в международных отношениях неизбежно отражалось и на содержании, делая его более «цивилизованным». Риторика, как известно, – большая сила. Иногда она просто заменяет политику. Откровенные разговоры с такими людьми не только характеризовали самого Брежнева, но и оказывали влияние на подходы Генсека также и к внутренним делам, включая идеологические.

«Натура» Леонида Ильича конкретно высвечивалась в его рассказах об охоте, о случаях из жизни, о наградах и званиях, в его восприятии лести и комплиментов в лицо.

Вот «зарисовки» из Завидово (середина 70-х гг., ему около 65-ти).

Обычно за завтраком подробно рассказывал, как он брился, как поплавал в бассейне, как долго размышлял, во что одеться, принимался расхваливать какую-нибудь свою куртку или фуфайку, вспоминать, откуда она у него взялась. Однажды пришел в кофте, которую, говорит, не надевал лет 15, забыл, что она существует и обнаружил запрятанной глубоко в шкафу.

Он плохо спит и постоянно на это жаловался. Например, однажды: «Лег в безрукавке, а я не люблю, когда руки открытые, летом – другое дело... Встал, накинул халат – мало ли, может докторша зайдет. Пошел к столу, думал выпить молока, люблю можайское, хватать, а его нет, доктор спер. Или сам выпил (*доктор, Михаил Титыч, молодой хваткий врач, отнекивается, отшучивается*). Пришлось боржомом удовольствоваться. Позвонил Володе (*охранник*): принеси, говорю, газету – дай, думаю, речь Сулова в Гаване почитаю. Тот принес, но читать расхотелось. Пошел было спать, но вспомнил про безрукавку, снял ее. Достал из шкафа свою любимую рубашку, ей тоже лет 15, заштопанная вся, и сразу успокоился, потому что привык к ней... Валя (*стенографистка*), там дырка еще одна образовалась. Придешь завтра ночью заштопать? А то у меня полпостели

пустует». Все смеются, а другая Валя, зубастая стенографистка, подмигнув, озорно: «Конечно, Леонид Ильич, только Вы смотрите не раздумайте!».

Объявил нам как-то, что из вещей любит часы и оружие. Действительно, часов у него целая коллекция. Ко дню рожденья ему еще послали. Министр электроники подарил какие-то замысловатые, без циферблата, показатели времени «выскакивают» каждую минуту. Долго разъяснял нам и показывал, как они действуют.

Однажды явился в «зимний сад», перепоясанный военным ремнем, с кобурой американского типа (рукоятка наружу). Мы толпились, окружив его. Он картинно выхватил пистолет (он явно не лишен актерского дара, говорил, что в молодости, когда учился в Курске, подрабатывал статистом на сцене) наставил пистолет в живот Арбатову. Тот отпрянул. «Не бойсь, академик, я шучу!».

Объяснил нам, что взял у ГБ'шников этот уникальный бесшумный пистолетик, который, однако, обладает огромной останавливающей силой, не меньшей, чем «кольт», подаренный ему в США ковбоем. Показывал нам в другой раз и этот «кольт». Рассказал, как он из этого пистолетика добивал раненного кабана, «прошил его насквозь, а тот все еще сучил ногами и, когда отошли, вскочил и еще метров 50 пробежал. Вот, силища! Удивительно живучий зверь!»

Об охоте (а он ездит на охоту через день часа на два-три) рассказывал о ней и за трапезой, и в ходе работы над текстами: «Залезли на вышку, ждем. Нет и нет. Вдруг целое стадо. Первый вышел из-за дерева: я его раз – готов! Другой за ним: я его раз – готов! И так подряд восемь штук, без промаха! Зверь-то ведь чуткий и умный. Но видит только на уровне своих глаз. Что над ним, – а мы ведь на вышке, – не видит. Зато нюх и слух изумительные. За километры чует. Если ветер переменится – не жди, охоты не будет».

Замечу попутно: отношение Горбачева к охоте принципиально иное. Он рассматривал это занятие как участие в ликвидации природы.

Брежнев патологически падал к наградам и званиям. Трижды Герой Советского Союза плюс Герой социалистического труда, с невероятным количеством разных орденов, не только советских.

Вот эпизод, где эта страсть дошла до «геркулесовых столпов». В зале собраний в ЦК созвали (1976 год) районных и обкомовских функционеров. Под конец к ним вышел Генсек. Появился он сзади, пошел по проходу, через зал. Все вскочили, овация, крики... Поднялся в президиум и заговорил:

«Вот Костя (*это секретарь ЦК, зав. Общим отделом Черненко, после смерти Брежнева – Генсек*) заставил меня выступать перед вами. А чего говорить – не знаю. Вроде мы с вами встречались два года назад (*Черненко вскакивает: «Два года и 31 день, Леонид Ильич!»*). Ну, вот... Память-то, видите, у меня какая! Да... Мы Вам тогда слово дали? Дали. И сдержали. Тогда Вы были зав.секторами, а теперь зав.отделами. И зарплата другая, и положение другое. Правду говорю?! (*Бурные аплодисменты*).

Ну, вы знаете, съезд мы провели недавно. Большое событие. Будем теперь выполнять. Что вам сказать? Я без шпаргалок (*показывает карманы*). Говорят, итальянцы, французы болтают про нашу демократию. Не нравится она им. Мы пойдем своим путем! (*Делает жест, как на ленинских памятниках*). Американцы дурят. Просыпаюсь тут утром. Делать ничего не хочется (*потягивается*)... Приносят шифровку. Мол, Форд (*президент*) просит отложить подписание договора о ядерных взрывах (*в мирных целях*). Ах ты, думаю... Кладу резолюцию: «Отложить, но пусть он теперь меня как следует попросит еще раз – подписывать».

На-днях, вы знаете, большое событие было. Поставили мне бюст. А Политбюро вынесло постановление присвоить мне как Генеральному секретарю и Председателю Совета Оборона звание маршала Советского Союза. Это важно. Вы, конечно, отметили это событие в своих выступлениях на вашем совещании. (*Черненко вскакивает: «Да, конечно, Леонид Ильич, все об этом говорили с большим подъемом...»*).

Костя меня уговаривал придти сюда в маршальском мундире... (*Черненко: «Да, да, Леонид Ильич, все очень хотели видеть Вас в мундире. Но раз уж Вы... Мы тут...»*). И поднимает из-за стола президиума портрет Брежнева при полных регалиях. Держит обеими руками перед собой. Овация).

Черненко ставит на стол портрет, выглядывает из-за него и кричит в зал: «Леонид Митрофанович, давай...». Из второго ряда поднимается Замятин (*директор ТАСС*) и несет в президиум еще один портрет, тоже в маршальском одеянии, но в красках (*первый был – увеличенная фотография*)... Два высоко поднятых портрета... Овация!

«Ну, что вам еще сказать, – продолжает Брежнев. – Событий много. Пусть шумят, кому мы не нравимся. А мы пойдем своим путем!» (*и опять ленинский жест*).

19 декабря у Брежнева день его рождения. (В это время он был вместе со спичрайтерами в Завидово). Он задолго начал об этом говорить. Чувствовалось, что придает значение, как и вообще – оценивает себя очень высоко. Сомнения с чьей-либо стороны в масштабах его роли даже не вызвали бы у него гнева, а казались ему нелепыми и смешными. Заранее сказал нам, что не хочет встречать день рождения в кругу «своих коллег». «С Викторией Петровной (*женой*) мы давно условились на этот счет – тут обид не будет. А праздничный торт она спечет нам и пришлет, а мы выпьем за нее тут».

Однако он слетал-таки на вертолете в Москву, побывал только дома, и ни с кем из «коллег» не встречался. Хотя (судя по звонкам) там явно рвались, чтоб поздравить хоть по телефону.

Черненко собирал поздравительные телеграммы и прислал их перечень Брежневу. Все обкомы поздравили и т.д. Но особенное удовольствие ему доставили «письма трудящихся». Впрочем, это были не только поздравления. Это и письма к XXV съезду. Зачитывал нам выдержки: один предлагает сделать Брежнева генералиссимусом, другой – пожизненным Генсеком, третий дает оценку его заслуг в стихах. Брежнева явно волновали такие вещи. Он простодушно-одобрительно комментировал восторженные и часто наивные оценки его деятельности.

Опять попутно: Горбачеву тоже в его время слали подобные телеграммы. Помню, только однажды он зачитывал их перед нами – помощниками. Но это

были телеграммы, где его крыли за Нобелевскую премию мира, которой его «наградил империализм».

Вечером Л.И. вернулся в Завидово. С семи до полуночи сидели за столом, «при свечах». Говорили тосты. Грубого подхалимажа не было. Все говорили дело – о действительных его заслугах и действительно хороших его человеческих качествах. Под конец его упросили почитать стихи. И он опять (как в 1967 году на прощальном ужине после завершения работы над докладом) читал очень выразительно Апухтина, Есенина, еще кого-то.

На утро, еще немножко хмельной, он почему-то вспомнил парад Победы 1945 года. Встал и рассказал три эпизода: как он, явившись раньше других в банкетный зал, пошел поближе к «отсеку» президиума, где должен был появиться Сталин, и опрокинул стул с горкой запасных тарелок (десятка три). Как они с Покрышкиным пили в ресторане «Москва» и когда их стали выдворять (после 12 ночи). Покрышкин извлек пистолет и начал стрелять в потолок. Доложили Сталину. Тот отпарировал: «Герою можно!». Или: как он, возвращаясь с женой с победного банкета в дребадан, беседовал с Царь-Колоколом. Картинно изобразил это, с жестами, пьяными ужимками, спотыканием и т.п.

Охарактеризовать человека (в том числе государственного деятеля) точнее и правдоподобнее можно, лишь выяснив его **отношение к женщине** как «явлению» гендерному и общественному. Здесь соединены и «природа», и воспитание, и, конечно, культура. То или иное отношение к женщине и отношения с женщинами сказываются на всем характере мужчины. И, безусловно, оказывают влияние на политику, когда те при политике. (А если женщины оказывались сами во власти, то же происходит «наоборот»).

Так вот, Брежнев и Горбачев в этой «сфере» – совершенно разные «категории».

Оба они были в свое время «хороши собой», даже красивые. Но у разных таких мужиков, при разных обстоятельствах это качество влияет на их жизненную позицию и на поведение по-разному.

Горбачев однолюб. История их любви с Раисой Максимовной – уникальна и прекрасна. То, что он сделал ее «первой леди» в советской стране – не только продукт этой любви, но и политическая акция. Это был вызов советско-обывательскому отношению к женщине, к ее статусу как таковой, и как к «существу общественному».

Горбачев не раз поднимал на Политбюро женский вопрос. Стыдил себя и «всех нас» за постыдное отношение к женщине, даже ставил в пример ее положение в дворянских семьях, «в свете» императорских времен (в идеальном, понятно, виде, в каком он нам достался от великой русской литературы и искусства).

Он всерьез занялся женским движением. Политбюро долго «искало» замену Валентине Терешковой в роли председателя Союза советских женщин. Та была удачна с имиджевой точки зрения, но «порученным делом» (опять же термин тех времен) не интересовалась. Нашли Зою Павловну Пухову – ткачиха, директор фабрики, «передовик производства», депутат Верховного Совета. Мила и даже красива. Но развернуться на новом деле не успела. Здесь, как и во многом другом, с перестройкой опоздали.

Горбачев сам выступил на международном женском конгрессе в Москве, обязательно и отдельно общался с женщинами в своих поездках по стране и за рубежом.

Он – и как мужчина, и как политик, высоко ставил «женское начало» в обществе, исходя из того, что мораль – как частная, так и общественная – напрямую зависит от положения женщины в стране, от ее реального и формального статуса в государстве.

Брежнева «женский вопрос» как таковой едва ли занимал. Не помню, чтобы о нем он заводил разговор на Политбюро, а на пленумах ЦК этот вопрос фигурировал разве что в контексте трудовой деятельности женщин.

В начальственно-мужском обиходе у Брежнева было много женщин. Были и симпатии, и предпочтения. Но уважал ли он их?.. Вот зарисовка из Завидово. За обедом Брежнев, наклонившись к соседке по столу (женщина лет тридцати,

миловидная, умная) говорит: «Не помню, по какому случаю надо было мне очистить желудок. Доктор дает какие-то шарики. Ем два, потом три. Потом горсть – никакого результата. Все в больнице поражены, никогда такого не видывали. А мне хоть бы что. Но часа через полтора, как взорвет, прямо хоть на Луну лети ракетой». Все немножко смущены, но делают вид, что смешно.

В другой раз за завтраком говорит другой женщине, недавно появившейся в Завидово: «Ты что, губы-то так ярко намазала? Это, чтоб не прикасаться к тебе, что ли? Но я ведь не посмотрю...». Потом, увидев, что она вся смешалась: «На, вот возьми пирожок (подает ей)... Что ты уж так! Я ведь шучу!».

В Завидово для подготовки брежневских текстов выезжали наряду со спичрайтерами – стенографистки, машинистки, медсестры, официантки, поварахи. Как правило, хорошенькие и не глупые. Некоторые просто интеллигентные. Не берусь судить, был ли «интим», – и с которой или с которыми из них. Но имел место такой эпизод. Одна очень приглянулась мне, и показалось – не без взаимности. Однажды ночью я попробовал к ней проникнуть. Она меня «в ужасе» прогнала. А заметивший мой маневр охранник на утро «подружески» мне шепнул: «Вы очень рискуете, Анатолий Сергеевич!» Отнести это предупреждение на счет бдительности этого парня, который, мол, обязан следить за нравственностью на «производственном объекте», почему-то не получается! Скорее, он уберег меня от гнева «хозяина», на «собственность» которого посягнули.

Супругу свою Брежнев держал в режиме «сиди и не высывайся»... как, впрочем, и другие наши «вожди» постсталинского калибра. А отеческая терпимость к скандальным «похождениям» своей дочери тоже не способствовали «укреплению морали» в советском обществе.

Вот такой лихой, жизнелюб, по природе бабник, простодушно самовлюбленный, себе на уме и с характером управлял державой. А она катилась себе и катилась к закату, размахивая ядерными ракетами, по которым вокруг и судили главным образом о ее «величии» и мощи.

Правителям империй уместно прежде всего предъявлять тест на «интернационализм», т.е. на их отношение к неизбежной многонациональности их «хозяйства». Брежневский подход близок к царистско-сталинской модели, где если и притесняли народы, то по державным соображениям, а не потому, что они «другой крови» и вероисповедания. Горбачевский ближе к австро-венгерской модели, постепенно, а потом и с большим опозданием, эволюционирующей к идее конфедерации и даже к модели «соединенных штатов».

Так или иначе, но и Брежнев, и Горбачев – интернационалисты советского образца.

Начну, однако, с «еврейского вопроса». Почему? Потому что самый верный оселок для настоящего русского мужика, его интеллектуального и морального уровня (и порядочности) – проверка на антисемитизм. В СССР, в России еврейский вопрос – по существу **русский** вопрос, с ним связано (употреблю недавно вошедший в обиход термин) самостояние русских как великой нации. Таким еврейский вопрос был лишь краткое время после революции, при Ленине, когда снято было понятие господствующая нация.

Но дело не только в этом. Значение аккумуляции еврейского начала в креативный потенциал общества доказано на примере многих стран. А в России, после 1917 года этот процесс получил мощный стимул от интернационалистской политики революционного государства. Энергия и таланты этой необыкновенной нации сыграли огромную роль в создании советской индустрии, в развитии науки и техники, в медицине, в музыке, в театральном и киноискусстве, в поэзии и вообще в литературе, в архитектуре и живописи...

Отторжение евреев, их дискриминация, начатые Сталиным, нанесли серьезный ущерб и нашей экономике, и науке, и культуре, и – не в последнюю очередь – общественной морали.

Поэтому и Брежневу, и Горбачеву пришлось иметь дело с «еврейским вопросом». Ни тот, ни другой не были «биологическими» антисемитами, хотя именно при Брежневе почти в открытую практиковался государственный антисемитизм. Инерцию, заданную сталинской «космополитией», ставившую

евреев под подозрение как потенциально «пятую колонну», прочно увязали с холодной войной. Но, наблюдая Брежнева вблизи, я ни разу не заметил в нем антисемитского душка, который, если он присутствует в человеке, где-нибудь и как-нибудь, но обязательно прорвется. У Брежнева «не прорвалось», но он и не реагировал на сомнительные шуточки кое-кого из его коллег, у которых «душок» присутствовал.

Однажды на Политбюро Брежнев вдруг говорит: нехорошо, у нас на руководящих постах почти уже совсем не осталось евреев. Один Дымшиц (*зам. Председателя Совмина СССР*). Везде мы его в этом качестве демонстрируем. Надо поправить: зачем нам создавать впечатление, что у нас какие-то антисемитские соображения в этих вопросах...

После арабо-израильской войны 1967 года, из-за которой СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, и, особенно, в связи с войной 73 года «еврейский вопрос» у нас, не меняя своей сути, пополнился новым содержанием. Советские евреи, оскорбленные поощряемым сверху антисемитизмом, «воспряли духом», их национальная гордость приобрела опору. И Брежнев как государственный деятель это учел.

Хаммер, американский миллиардер, знававший еще Ленина (*у нас его бизнес был нефть и произведения искусства*), будучи принятым Брежневым, убеждал его восстановить отношения с Израилем. Все проблемы легче, мол, будет решать, прежде всего, с вашими евреями. Будете всех, кто хочет уехать, отправлять в израильское консульство и пусть разбираются. Вообще, говорит, надо вам что-то решать с евреями. Вы по-прежнему недооцениваете силу и влияние сионистов в США. Ведь это они ликвидировали Никсона.

Брежнев: «Я дал указание отпускать всех, кто хочет, за исключением причастных к оборонным и другим государственным секретам. Остальные пусть едут».

Во-вторых, говорит Хаммер, и на Ближнем Востоке вам легче будет, сможете прямо влиять на Израиль... Примите опять послом в Москве Голду

Мейер и, уверяю вас, тысячи проблем сразу потеряют остроту. Ведь иметь дипломатические отношения с государством – не значит одобрять его политику.

Брежнев: «Подумаем, интересные предложения».

Вообще же сомнительно, чтобы Брежнев когда-либо задумывался над «еврейским вопросом» как явлением мирового порядка. Для него он был частью политики, той ее частью, где «рулил» не он, а КГБ и Андропов³, создавший, между прочим, «Антисионистский комитет», куда согнали знаменитых евреев (в том числе, например, красавицу Быстрицкую) и от имени которого поступили наверх докладные, где «хорошие евреи» осуждали евреев – диссидентов и эмигрантов и проклинали Израиль как орудие американского империализма и обидчика дорогих нам «антиимпериалистических» арабов.

Брежнев позволил Андропову свести «еврейский вопрос» к проблеме еврейской эмиграции и «патриотической бдительности» в кадровой политике.

Что касается Горбачева, то его и в самом Израиле, и на Западе справедливо считают «освободителем» советских евреев. Хотя в публичных заявлениях он осторожничал (опять же считаясь с внедренным в сознание номенклатуры и даже в так называемое «народное сознание» «космополитическим» вирусом). Не раз иностранные собеседники просили (и призывали) его публично и официально осудить антисемитизм. Будучи при власти, он этого так и не сделал, даже по случаю круглой годовщины Бабьего Яра. Отговаривался тем, что, мол, в СССР десятки народов и национальностей, что дискриминация любого из них

³ Думаю, что связанное с возвышением Андропова усиление идеологизации политики, в том числе внешней, дало предлог Рейгану объявить «крестовый поход» против коммунизма, обозвать СССР «империей зла» и ускорить гонку вооружений с откровенной целью – истощения нашей экономики в губительном для нас соревновании. Вообще – попутно говоря – в отличие от многих, помнящих Андропова и ностальгически его представляющих теперешней публике в ТВ-шоу, – я считаю эту фигуру сугубо негативной в нашей истории, в том числе и по причине «особой приближенности» к Генсеку. Он плохо влиял на деградирующего Брежнева, в том числе – во внешней политике. Ему мы обязаны усилением параноидальных антиамериканских и антизападных настроений. И в конце концов он, в компании с Громыко и Устиновым, подбили уже плохо соображавшего Брежнева на афганскую авантюру.

К сожалению, в «раскрутке» личности Андропова, его якобы интеллигентности, порядочности, государственном уме и т.д., очень вредную роль сыграли мои друзья – Арбатов и Бовин, – ходившие с Ю.В. вроде как «в приятелях», доверенных лицах. Но это а' propos, хотя и близко к теме.

«осуждается», даже преследуется по закону и выделять кого-то не следует. Хотя прекрасно понимал: в советской «дружбе народов» еврейский вопрос занимает особое место, как и во всем мире.⁴

Так или иначе, но именно Горбачев возобновил начатый Великой революцией, но прерванный сталинизмом процесс ликвидации антисемитизма в нашем народе. Это тоже значительный его вклад в гуманизацию современного мира.

Теперь о **национальном вопросе** в целом.

Как вопрос совместного существования, он возник лишь по мере созревания других наций, вернее, по мере превращения некоторых национальностей в нации. И с учетом, разумеется, общего социально-экономического положения, которое представляло собой после прихода Горбачева ту же самую картину, – что и за 15 лет до перестройки (*об этом подробнее – впереди*).

А теперь общероссийский вождь сообщает нам в предвыборной статье, что страну развалили те, кто боролся против Центра (Ельцин и К^о), и кто хотел его сохранить (Горбачев), заигрывая с автономиями, пообещав им повышение статуса. И т.п. Стыдно все это читать в XXI веке. Ссылка на историю и обыгрывание в СМИ разрозненных фактов – лжепатриотическая демагогия.

Да, были те, кто за Союз, и те, кто против. Но дело не в Ельцине и Горбачеве и их сторонниках. А в движении истории. Дело в том, что за время Советской власти и с ее помощью многие народы сложились в нации и захотели быть самостоятельными – по своему естественному праву. Внутри у них сложились свои элиты, своя партийная номенклатура и своя интеллигенция. Все

⁴ На протяжении целого тысячелетия христианский мир пытался решать «еврейский вопрос». Но никому не удалось: ни испанским королям, ни германским герцогствам, ни Николаю I и Николаю II, ни полякам в средневековье и в XX веке после Войны, ни Сталину, ни даже Гитлеру... с его «окончательным решением». Большевики, после кошмарных погромов времен Гражданской войны, просто сняли этот вопрос с «повестки дня». Но Сталин его возродил своей космополитской кампанией. Горбачев, прекратив официальный антисемитизм, приглушил его и как общественное явление. Ельцин и его преемники не препятствовали этому процессу, даже допустили некую институализацию его (у нас теперь четыре главные конфессии, включая иудаизм). Но считать его необратимым я бы поостерегся – в условиях «сплошной православизации страны»... местами с черносотенным оттенком. И имея также в виду неумные амбиции некоторых «ультрамедийных» евреев.

Кравчуки, Кучмы, Назарбаевы, Каримовы, Алиевы, Кочеряны и т.п. повсюду, выросшие на русских хлебах, в русских университетах, воспитывавшиеся в марксистско-ленинском интернационалистском духе в столичных и местных партшколах, оказались отъявленными националистами, как только был ослаблен тоталитарный «ошейник».

С другой стороны, русский народ, измученный чрезвычайщиной XX века, устал нести имперское бремя и ему стало наплевать – разбегутся ли «инородцы» или удержатся рядом. Но жертвовать ради них своим благосостоянием он уже не захотел. И принудить его к этому не захотели даже коммунисты, создавшие националистическую, шовинистическую Российскую Компартию (РКП), помогающую Ельцину развалить уже основательно подгнившую «социалистическую империю».

То, что г-н Путин не хочет этого видеть, понятно. Он по должности должен стоять за «единую-неделимую». Но разные политологи и журналисты, интеллектуалы, образованные люди, они что – не хотят понимать того, что очевидно для любого грамотного и трезво мыслящего человека. Говорить о том, что распад «империи» – результат прихода к власти Горбачева и его перестройки – как минимум невежество.

Посмотрим на Украину. Она самое главное для единства СССР. Ускоренная украинизация Украины, о чем говорилось на Политбюро в начале 70-х годов, выражала глубинную тенденцию в развитии нации, в которой русофобский элемент, укоренился давно и прочно. Ненависть к «москалям» – в острой или приглушенной форме – была «семейным» явлением, передававшимся из поколения в поколение. Недавно нам напомнили о ней в фильме «Белая гвардия», красочно показав петлюровский период в истории становления независимой Украины.⁵

⁵ А что потом? Уже в общепризнанно независимой Украине? Русофобия разгорелась новым пламенем, убывающая, правда, от запада к востоку страны. Предвыборные баталии неизменно включают антирусский «ингредиент». Чествуют «героев» расправ с русскими во время войны, возвеличивают исторические фигуры, отмеченные особой враждебностью к России. Дискриминируют русский язык. Все это появилось не вдруг, и не только вчера, а даже позавчера в нашей соседской стране. Русскому человеку понять это трудно. Он не позволил

Ни Брежнев, ни Горбачев не считали это явление смертельно опасным для Союза. Горбачев, будучи наполовину украинцем, просто не мог в это поверить. И, побывав на Украине в роли Генсека, вернулся, полный оптимизма. На Политбюро, говоря о проявлениях национализма, ссылаясь лишь на мелкие факты «в отдельных местах».

Брежнев же не должен был, казалось, удивляться украинскому национализму. Он родился на Украине, начал там работать, правда, в русскоязычном Днепропетровске, там учился в институте. Он прошел через нее с войсками. И прекрасно знал, какая часть украинского народа готова была участвовать и участвовала с оружием в руках против России, сотрудничала с немцами в борьбе против Советской (русской!) власти. Знал он и цифры украинцев, которые добровольно и охотно исполняли самую гнусную роль в осуществлении немцами «Холокоста» на территории Украины и по соседству с ней. Знал он и о жестоком искоренении бендеровцев и им подобных долгие годы после Войны. А такие вещи западают в народной памяти надолго. Знал он и о том, что немцы в оккупированных украинских городах и селах обходились с населением, как бы это полегче сказать, более «вежливо», чем с русскими и белорусами.

И это знание, должно быть, хорошо в нем отложилось. Для Брежнева национальный вопрос существовал как «все ли в порядке с дружбой народов», и нельзя сказать, что он не замечал трещин в этом, казалось, монолите. Вот пример, на моих глазах. На упомянутом (апрель 1972 г.) Политбюро обсуждался доклад Андропова в связи с обнаружением на Украине документа, датированного 1966 годом. Суть – против русификации и за отделение. Никогда за всю историю Советской власти, говорилось на заседании, не было такой «украинизации» Украины. Со времен Мануильского и еще раньше Пятакова и др. первыми секретарями на Украине были не украинцы: Каганович несколько раз, Постышев,

отравить себя даже германофобией, несмотря на все преступления немцев в России во время войны.

Хрущев и др. Так было до Подгорного.⁶ А теперь – единственное «деловое» и «политическое» качество при подборе кадров – является ли украинцем? Если да – значит уже хороший.

Брежнев подвел итог: Я, говорит, общаюсь с Петром Ефимовичем (*Шелест, Первый секретарь ЦК КПУ*) по телефону почти каждый день, говорим о колбасе, пшенице, о мелиорации и т.п. вещах. А ведь с 1966 года ему, и ЦК КП Украины известен этот документ, известна деятельность националистов, и ни разу ни одного слова он об этом мне не сказал. Не было для него тут со мной проблемы. Когда уже стало все это известно, поднимаю трубку, спрашиваю у Петра Нилыча (Демичев), что он об этом думает. Он стал заверять, что ничего особенного, разобрались, мол, и т.д. Такова позиция нашего главного идеолога – секретаря ЦК КПСС по идеологии⁷.

Для Брежнева не было проблемы, как поступать с националистами и сепаратистами. Он и подумать не мог, чтобы ослаблять «имперский ошейник». Нынешний наш Путин по сути того же мнения в отношении Российской Федерации, хотя и признает, что «нельзя насильно заставить жить вместе» (НГ, 23.1).

И если уж апеллировать к истории, то не вредно вспомнить, что «белое движение» в 1918-1922 годах погубил лозунг «единой-неделимой», а горбачевская приверженность к итогам референдума 1990 года, к сохранению СССР в наличном составе, ускорила его распад.

Ни глубочайшая хозяйственная интеграция (по существу одна экономика), ни многомиллионное родство и смешанные браки, ни дружеские, приятельские межличностные связи, ни русский язык, преобладавший на Украине (во всяком случае – в городах), ни то обстоятельство, что значительная часть украинской интеллигенции, особенно её высший слой, была не просто русскоязычной, а обрусевшей, ни такие «жемчужные подарки», как Крым, ни тот факт, что в

⁶ Н.В.Подгорный в 1957-1968 гг. был первым секретарем ЦК КПУ, потом членом Политбюро и Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

⁷ Шелеста Брежнев вскоре снял, заменив его Щербицким. Кстати, Шелест был в Политбюро одним из самых яростных сторонников именно военной интервенции в Чехословакию в 1968 году.

союзном госпартаппарате. как и в армии (от старшины до многозвездных генералов) полно было украинцев или полукровок, ни тот факт, что едва ли не большинство первых секретарей обкомов и вторых – в республиканских ЦК были украинцами или наполовину, ни то, что в составе Политбюро иногда их бывало больше, чем русских... – Ничто не удержало Украину.

А без Украины Советского Союза представить себе было нельзя. Напомню: знаменитый антагонист Ленина Петр Струве полагал, что российская империя должна обязательно включать в себя Малороссию и через нее обеспечивать свое господство над Черным морем, без чего нет Великой, т.е. имперской России. Поэтому столько сил на протяжении, по крайней мере, двух веков Россия употребила, чтобы «впитать» в себя Украину. Многого добилась. Но к концу XX столетия пошел обратный и неостановимый процесс, начавшийся еще во время Войны. Произошло примерно то, что с Ирландией в британском Соединенном Королевстве во время Первой мировой войны, когда она встала на сторону Германии.

Что касается «глобальных» исторического значения результатов исчезновения СССР, то Время уже рассудило – хорошо это (не без потерь, конечно) или плохо.

То, что состоялся независимый Казахстан – это плохо? Или – Азербайджан, Армения, та же Грузия, или даже Узбекистан и Туркмения? О Прибалтике и говорить нечего. Да, некоторые не состоялись. Оказались не способны распорядиться своей независимостью. Но таких и за пределами постсоветского пространства не мало.

А вот то, что Чечне устроили кровавую бойню с последствиями на десятилетия вперед, что Грозный превратили в «Сталинград» во имя единства «великой державы» – это, безусловно, плохо.

Но вернемся к теме нашего рассказа.

Горбачев столкнулся с «национальным вопросом», когда то и дело по стране начали вспучиваться национальные пузыри и некоторые уже громко

лопались. И сначала пошел по брежневско-сталинскому пути. Но быстро понял, что это гибельно.

Ни Горбачев, ни кто другой не в состоянии были остановить распад СССР. Украина (как и другие) «держалась» в тоталитарном союзе. В свободном их удержать было невозможно. Нации и претендовавшие на такой статус под напором националов и шовинистов, разваливали Союз.

Горбачев объективно действовал в русле неумолимой Истории, которая в XX веке не только обрушила классические (колониальные) империи, но и «посягнула» на целостность вроде бы «унитарных» государств: Югославия, Чехословакия, Бельгия, а теперь вот шотландцы поставили под сомнение целостность такой мощной фигуры европейской и мировой истории, как Великобритания.

Германия стоит прочно, потому что давно превратилась по сути в «соединенные штаты германских земель», часть которых обладают прерогативами, делающими их вполне сопоставимыми с большинством европейских «национальных» государств.

Императив истории диктовал Горбачеву, который не хотел распада Союза, подчиниться своему философско-нравственному выбору: **свобода важнее единства** в рамках одного государства. Понимая при этом, что глобализующийся мир неумолимо будет снижать фактор границ совместной жизни наций.

Позволю себе процитировать из своего дневника за 1972 год. «В докладе Брежнева о 50-летию СССР отмечено наличие национальной проблемы. Очень взвешенно. А между тем – открытый, наглый антирусизм на Украине, в Литве, на Кавказе etc. Что-то будет с нашей «великой дружбой народов» лет через двадцать? Спасение только в выведении благосостояния повсеместно хотя бы на уровень Западной Европы и резкий рывок в сфере культуры народа: она, кажется, в массе образованного населения падает. Иначе новая диктатура». Это написано за 20 лет до падения СССР. И еще 20 лет после мной написанного шел этот процесс, расширяясь и углубляясь. Чему способствует и установившийся после распада Союза режим, экономически и политически не обеспечивающий

состоятельность России как подлинно демократического федеративного государства.

II.

Проблема армии, «войны и мира». Здесь позиции «героев» моего сочинения тоже различаются, но какая-то глубинная, исторически обусловленная связь в их подходах просматривается.

Брежнев – человек с обычным советско-идеологическим, милитаризованным сознанием, выросший в атмосфере «осажденной крепости». Партийный деятель, он пошел на войну политработником. В звании полковника ее и прошел. Только под самый конец стал генерал-майором. В должности не бог весть, какой – начальник политотдела армии, начальник политуправления фронта. Это – не комиссарская должность. Комиссары, упраздненные Сталиным в конце 1942 года, обладали огромными правами, равными с командиром дивизии, полка, батальона. Иногда могли даже отменять решение командира. Сталин, учтя опыт первых лет войны, понял значение единоначалия. Взамен комиссаров была учреждена должность заместителя командира по политчасти – политрук в роте, батальоне, полку, член военного совета в армии и в штабе фронта. Функции их скорее совещательные, да и то не во всем. Роль такой должности – пропагандистско-воспитательная. Реальное влияние политработника зависело главным образом от отношений с командиром, а авторитет у солдат – от того, принимал ли он лично участие в бою, рисковал ли вместе с ними на передовой и как себя держал с ними на отдыхе...

Этим я отнюдь не хочу сказать, что Брежнев отсиживался в штабных землянках. Тут все зависит от темперамента, от характера человека. То, что написано в книге «Малая земля», отражает подлинное участие Брежнева в боевых действиях. И орден Красного Знамени так просто не давали даже высоким чинам. Думаю, что лично Брежнев был храбрым человеком и не чурался опасностей. Но этот орден был самой высокой, и едва ли не единственной, наградой, с которой Брежнев закончил войну. А став генсеком, превратился в трижды Героя Советского Союза и получил бриллиантовый орден «Победа».

При вручении им звания героя городу Новороссийску в 1973 году были мобилизованы все средства массовой информации, красочно показано волнение от встречи с «Малой землей», слезы и объятия, торжественные слова... По итогам, в статьях Новороссийск подан как город, оборона которого обеспечила левый фланг всего советско-германского фронта. Он приравнен к Сталинграду, а Брежнев там сыграл «решающую роль», Брежнева называли «великим солдатом и выдающимся полководцем⁸».

Не исключено, что у Брежнева был комплекс недооцененности его участия в войне. Многие его сверстники, с такими же погонами были буквально увешаны орденами. Между тем эта предполагаемая мной обида сыграла позитивную роль, когда Брежнев стал Первым секретарем ЦК КПСС (Генеральным – с 1967 года).

Он добился в 1965 году (к 20-летию окончания Войны) восстановления Дня Победы 9 мая, упраздненного Сталиным. Потребовал, в том числе и от пропаганды, внимания к ветеранам. В селах и городах стали устанавливать памятники погибшим. Учреждены кое-какие льготы семьям погибших, повышены пенсии самим участникам войны. Сооружена «Могила неизвестного солдата» с вечным огнем в Александровском саду возле Кремля.

Другое дело, что потом наша Победа обросла мифами (а сам ход войны фальсификациями), стала предметом для непомерного ультра-патриотического хвастовства и даже источником реанимации «культы личности» Сталина. Но как бы там ни было – возрождение памяти о Войне – несомненная заслуга Брежнева.

Это не отменяет того колоссального вреда, которое нанес стране идеологически-милитаризованной подход советского Генсека к политике. Он продолжил и даже интенсифицировал участие СССР в гонке вооружений с задачей достичь ракетно-ядерного паритета с Америкой и всей НАТО.

На ВПК отправлял все больше денег. Работали сотни военных заводов. Почти все гражданские производства были так или иначе связаны с ВПК. Функционировали целые «закрытые» города. СССР занял одно из первых мест в

⁸ Прочитав мемуары одного маршала, Горбачев сострил на заседании Политбюро под общий хохот: у него, мол, получается, что по-настоящему воевали только на «Малой земле», а остальные отсиживались в окопах Сталинграда.

многомиллионном по стоимости экспорте оружия (в основном безвозмездном). «Калашниковыми» завалили весь мир, а его автора, ставшего причиной убийства десятков, если не сотен тысяч людей, прославили как героя труда (!) и примерного патриота. Нацелили ядерные СС-20 на столицы европейских стран НАТО.

Все это – банальность теперь. Но когда, спустя десятилетия, вспомнишь об этом, охватывают отчаянные от этой преступной глупости и абсурда, от морального цинизма государственной власти. Тем более, что в то же время, тот же Брежнев обнимался и пил водку с Никсоном, находясь с визитом в США. Подписал ОСВ-1 и Хельсинкский акт.

В отличие от победительного настроения Брежнева отношение Горбачева к Войне и ее наследству совсем иное. Он воспринимает ее, прежде всего, как величайшее несчастье для страны.

Мальчишкой пережил оккупацию. Память о ее ужасах и переживаниях жива в нем до сих пор. А героизм войны для него олицетворяет его отец – рядовой сапер. А это такая профессия на войне, которая строит мосты, подрывает мосты, кладет гати, минирует и разминирует впереди пехоты и танков и при которой ошибаются только один раз. Тяжелораненый этот простой крестьянин, трудовой человек был для Горбачева непререкаемым авторитетом и носителем высокой нравственности.

Таково, в отличие от Брежнева, личностное начало в восприятии Горбачевым всего, что относится к военным делам.

Став государственным деятелем и возглавив великую державу, Горбачев, разумеется, должен был считаться со значением такого для нее института, как армия и ВПК в целом.

И вот когда он принял на себя бремя ответственности за 60.000 танков в центре Европы, за 5-миллионную армию, отрывавшую от полезного труда самую жизнеспособную часть мужского населения, когда СС-20 спровоцировали постановку «Першингов-2» с подлетным временем 5 минут до Москвы, когда

военные расходы на «будущую войну» было уже невозможно точно подсчитать, так как они метастазами проникли во все поры народного хозяйства, когда раковой опухолью в экономику и мораль вошла агрессия в Афганистане, – и когда все это удерживало страну в полунищем состоянии, он понял, что не только двигаться вперед, но, хотя бы удержаться перед надвигавшейся с Запада волной научно-технической революции, невозможно, если не разобраться с проблемой «войны и мира».

Для Брежнева логика холодной войны была идеологической аксиомой. Тем более, что за этой идеологией на самом деле стояли великодержавные и охранительные мотивы номенклатуры и ближайшего окружения Генсека. Поэтому и получалось, что Брежнев говорил (и, как увидим, даже думал) одно, а делал другое. Не отдавая, полагаю, себе отчета, что он занимается обманом «в мировом масштабе». Ну что ж! Вся партийная политика была пропитана ложью, не только внешняя.

С этим обманом и самообманом, чреватými катастрофой, Горбачев и решил покончить.

Брежнев – это, повторяю, победительный комплекс, неизбежно сопровождаемый патриотической демагогией и милитаризацией страны.

Горбачев – это преодоление пагубного для физического и морального здоровья нации, унижительного страха перед внешним миром. Он сам никогда не верил в то, что «империализм, Америка, НАТО» на нас нападут. Потому продолжение конфронтации и гонки вооружений, оправдываемые такой «неизбежностью», – это хуже, чем преступление перед своей страной, это – величайшая ошибка. Третья мировая война действительно была **исторически** исключена после такой Второй, которая до основания потрясла человечество в 1939-45 годах.

Без крутого поворота в мировом развитии, в международных отношениях ничего невозможно было сделать и в собственной стране, не освободив ее от страха перед якобы нависавшем над нами ракетно-ядерным «41-ым годом».

Однако не так прост и примитивен Брежнев в своем отношении к «войне и миру», как это вроде вытекает из только что сказанного.

Попытаюсь пунктирно прочертить его поведение **во внешних делах**. Интервенция в Чехословакию. Брежнев тогда еще не очень уверенно сидел в «высоком седле»⁹ действовал в струе «неосталинизма» и согласился на это преступление, хотя и неохотно (об этом я еще скажу).

Получив в начале 70-х «личную власть», он взял курс на разрядку, поддержку Вили Брандта с его «восточной политикой» и санкционировал подписание Московского договора с ФРГ.

Высмеял Косыгина, предложившего отказать Никсону, собравшегося с визитом в Москву (американцы разбомбили как раз в этот момент Ханой). Тем самым продемонстрировал, что уже тогда понимал роль «своей» сверхдержавы в сохранении общего мира, которого не могло быть без «контакта» с Америкой. Вьетнам «в этом контексте» был «второстепенной проблемой».

Впервые я увидел вблизи Брежнева в конце 1967 года в Завидово при подготовке для него доклада к предстоявшему международному Совещанию коммунистических партий. Он тогда еще только входил во вкус власти, только что переименован был из Первого секретаря ЦК КПСС в Генерального секретаря. Формально еще сохранялось «коллективное руководство» – демагогический принцип, с помощью которого скинули Хрущева. Существовал еще так называемый «треугольник»: Брежнев – Подгорный – Косыгин (т.е. Генсек ЦК, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и Председатель Совмина СССР).

В самом начале 1968 года Брежнев, оставив группу спичрайтеров в Завидово, улетел в Прагу – на неделю, по настоятельной просьбе чехословацкого

⁹ Бовин рассказал мне о таком эпизоде из времен XXIII съезда, когда в центре внимания зарубежной прессы был «Шурик» (Шелепин) и слухи насчет того, что Брежнев – это «временно», а грядет «железный Шурик». Приходили, говорит, ко мне «его ребята» звать к себе. Нам, говорят, нужны умные люди. Что ты прилип к бровастому! Ему недолго быть! А у нас все уже почти в руках. Я посмотрел на них и ответил: «Ребята! Я вас не видел и разговора никакого не было». «Ну, как хочешь. Только смотри - пожалеешь!». Можно ли представить себе нечто подобное в 70-х годах?!

руководства, которое возглавлял Новотный. И вдруг через пару дней вернулся. Объяснил так: меня, говорит, там чуть на части не разорвали. У них такая заваруха в руководстве... День и ночь рвались ко мне, – то один, то другой. Каждый валит на соседа, все клянутся в верности и все просят поддержки против другого. Я послушал, послушал и решил: на кой черт встречать мне во всю эту кашу. Пусть сами разбираются. Послал их всех.. сел в самолет – и домой!

Что было через полгода, знает весь мир. Доломали Леонида Ильича, запугали.

Второй раз я близко соприкоснулся с Брежневым в 1972 году, когда он уже вошел в форму беспрекословного лидера. Арбатов, Бовин и я были вызваны к Генсеку для подготовки очередного его публичного выступления. И оказались невольными слушателями очень примечательного его разговора по телефону со своими коллегами. Именно тогда, при нас Брежнев в разговоре с Громыко издевался над Косыгиным, предложившем отказать в визите Никсону и вмешаться во внутренние дела Пакистана.

Генсек обнаруживал гораздо большую политическую основательность по сравнению со своими «соратниками» и вполне заметное презрение к двум другим «углам треугольника» (Подгорному и Косыгину).

По другому случаю Генсек так отозвался о Пономареве (секретарь ЦК, зав. Международным отделом ЦК, «теоретик» мирового революционного процесса). Он, мол, все про империализм, да про империализм... А времена-то изменились. И империализм-то по-разному выглядит в зависимости от того, кто его представляет...

Во время визита Брежнева в США (июнь 1973 г.) наша печать наполнилась «деловыми» объятиями с Америкой. Заключено ряд соглашений, в том числе об ограничении ядерной гонки.

По телевизору – впечатляющие сцены с Брежневым в США: доброжелательство, открытость и даже какая-то приятельская манера в общении с Никсоном, его женой, с сенаторами, деловыми кругами и т.д. Будто перечеркнут одним махом весь взаимный лай, продолжавшийся четверть века. Комментатор

передал оценки американских газет: Брежнев действовал как крупный политик, государственный деятель мирового масштаба, который видит перспективу, с мужеством и смелостью, необходимых для такого поворота.

Прочитую из выступления Никсона в Конгрессе: «Америке представилась беспрецедентная возможность. Еще никогда не было такого времени, когда надежда была бы более оправданной, а наша самоуспокоенность более не столь опасной. Мы положили хорошее начало. И поскольку мы сделали первый шаг, история ныне возлагает на нас особую ответственность за доведение этого дела до конца. Мы можем использовать этот момент или упустить его, мы можем воспользоваться этой возможностью для возведения нового здания мира на Земле или дать ей ускользнуть. Поэтому давайте вместе воспользуемся этим моментом, чтобы наши дети и дети повсюду на Земле освободились от страха и ненависти, которые были уделом человечества на протяжении многих столетий.

Тогда историки будущего, оглядываясь на 1972 год, не напишут, что это был год, когда Америка поднялась на вершину переговоров на высшем уровне, а затем вновь спустилась в долину. Они напишут, что это был год, когда Америка помогла вывести человечество из низины постоянной войны на возвышенность прочного мира».

Наедине Никсон заверил Брежнева (в связи с проблемой КНР, с которой США только что наладили контакт): «Помните и верьте мне, я никогда ничего не сделаю, что повредило бы Советскому Союзу».

Киссинджер сказал Добрынину (для передачи, разумеется): «Президент огорчен исходом экономических переговоров. Мы, понятно, скованы – фирмы не хотят, им не выгодно. Но мы сделаем все, чтобы уже в этом году заключить торговый договор. И он будет вам выгоден. Уверяю вас».

Киссинджер и Никсон, возможно, склонялись в тот момент к позиции той части американской общественности, которая полагала, что лучший способ не допустить ядерной войны, это – поднять благосостояние советского народа до американского уровня, «со всеми вытекающими».

Госсекретарь США сообщил также нашему послу, что президент предложит осенью такое (в сфере разоружения), что должно «вам очень понравиться».

Все это вроде шло вразрез с идеологией холодной войны, с которой наша тогдашняя «элита» не собиралась расставаться. В письме ЦК к партактиву по итогам визита Никсона, наряду с деловой информацией и «взвешенными» оценками содержится обзор «писем трудящихся» по поводу выступления Никсона по телевидению. Мол, лицемер, верить нельзя, говорит о мире, а сам в это время убивает женщин и детей во Вьетнаме. Сопровождается это похвалами в адрес «политической зрелости советских людей».

Профессор Ковалев, заведующий кафедрой научного коммунизма МГУ сетовал: «Как же так получается? Конечно, мир – это хорошо. Ленин тоже был за мир. Но ведь вот мы заключаем экономические соглашения с капитализмом на 30-50 лет.... Подводим материальную структуру под мирные отношения. А вместе с тем и повязываемся накрепко с капиталистами. И помогаем им выходить из кризисов и т.п. Значит, мы исходим из того, что 30-50 лет там никакой революции не будет? Как же нам теперь преподавать научный коммунизм, говорить об умирающем капитализме?».¹⁰

Нужна была действительно политическая воля, чтобы поставить нашу закосневшую в идеологическом идиотизме номенклатуру перед фактом перемен хотя бы в тональности, в форме общения с противником в «холодной войне».

Брежнев, видимо, готов был к такому «давлению». Миттеран, который вскоре оказался в Москве, возглавляя делегацию Французской соцпартии, на переговорах с Суловым, Пономаревым, Загладиным, восхищается Брежневым не просто как государственным деятелем, а как коммунистом, качества которого (именно как коммуниста) позволили ему стойко, упорно, неуклонно вести внешние дела к поставленной цели и добиваться своего, несмотря ни на что.

¹⁰ Ковалев, положим, мудака ex officio. Но дело в том, что он представлял не просто профессоров и часть аппарата. Это был уже целый социальный слой, охватывающий несколько поколений. Его уже не переделаешь, а главное – из него не сделаешь умного сторонника нового. Без волевого, на уровне генсека, давления на менталитет этого слоя ничего не могло измениться.

Сопоставьте вступительную речь Брежнева при вручении Ленинской медали мира с докладом Суслова на этом мероприятии. Разница бросается в глаза. Доклад состоит из железобетонных штампов: «кризис империализма», «классовая внешняя политика», «бескомпромиссная идеологическая борьба, которая будет обостряться», и т.п. Весь пафос – только наш путь правилен, только такая партия, как наша, приводит к победе (NB!).

Подход Брежнева шире и мудрее. Во вступительном слове перед докладом Суслова он сказал, между прочим: «Человечество выросло из кольчуги «холодной войны», оно хочет дышать вольно и свободно».

Жоберу (МИД Франции) 4 августа 1973 г. он пообещал выходить на связь СЭВ-ЕЭС. Заодно врезал: «Против кого вы, французы, вооружаетесь, совершенствуете ядерное оружие и т.п.? И это в обстановке разрядки с США – вашим союзником? Против ФРГ вы и так накопили бомб сверх достаточно. Остаемся во врагах мы – СССР. Это нам не нравится и начинает беспокоить».

Жобер в ответ: Вы, господин Брежнев, сами недавно говорили, что борьба двух систем продолжается, и разрядка ее не отменяет, что цели и идеология этих систем непримиримы и противоположны. К тому же Вы, господин Генеральный секретарь, – не вечны.

Осенью 1973 года разразилась развязанная Египтом очередная война на Ближнем Востоке. И Садат, президент Египта, оглянуться не успел, как израильские танки оказались в 50 км от Тель-Авива.

Совместные действия Вашингтона и Москвы помогли остановить войну. Киссинджер трижды приезжал в Москву согласовывать подходы. Задействовали СБ ООН, резолюция которого потребовала от Тель-Авива и Каира прекратить огонь в течение 12 часов. И была выполнена.

Вскоре после этого состоялся такой разговор Громыко с Брежневым. Как, мол, Леонид, дальше будем действовать-то (на Ближнем Востоке)? – спросил министр.

Брежнев: Участвовать в переговорах, причем настойчиво и повсюду. Мы на это имеем право и обязанность. Будем участвовать в гарантиях границ. Причем –

границ Израиля, потому что именно о них идет речь, они – яблоко раздора. В подходящее время восстановим дипотношения с Израилем. И – по своей инициативе! Да, именно так.

Громыко: Но арабы обидятся, шуму будет...

Брежнев: А пошли они... Мы им предлагаем, сколько лет разумный путь. Нет – они хотели повоевать. Пожалуйста! Мы дали им технику, новейшую, – такую, какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное – в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах – абсолютное превосходство. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять завопили, чтоб мы их спасали. Садат меня дважды среди ночи подымал по телефону: «Спасай!» Требовал послать советский десант, причем немедленно! Нет! Мы за них воевать не будем. Народ нас не поймет. А мировую войну затевать из-за них – тем более не будем. Так-то вот. Будем действовать, как я сказал.

На Политбюро «подводились итоги» прекращения войны во Вьетнаме. Брежнев там заявил, между прочим: главное, это, что на Западе подчеркивают «твердость Брежнева в борьбе за разрядку». И все больше верят, что линия XXIV съезда – не конъюнктура, а принцип. Поэтому, подчеркнул он, – не гнать по-прежнему военную технику во Вьетнам. И Садат пусть подумает, что и для него значит окончание войны во Вьетнаме. Андропову и Громыко поручим изыскать новые пути к контактам с Израилем. Прежние попытки – безрезультатные. Сидеть, порвав отношения, – это не политика».

Пойдем дальше... за Брежневым. Обсуждали в Завидово международный раздел к его докладу на XXV съезде. Он вдруг завелся. Вспомнил Хрущева, который, по его словам, оставил такое положение, что начать двигаться к миру стало труднее, чем за десять лет до 1964 года. В Карибском деле пошел на глупую авантюру, а потом сам в штаны наложил. Я не забуду, в какой панике Никита то пошлет телеграмму Кеннеди, то «с дороги» требует задержать ее, отозвать. А все почему? Потому что хотел об...ать американцев. Помню на Президиуме ЦК кричал: «Мы в муху попадем ракетой в Вашингтоне!». И этот дурак Фрол Козлов

(при Хрущеве фактически второй секретарь ЦК) ему вторил: «Мы держим пистолет у виска американцев!» А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом вытягивать, сколько трудов положить, чтоб поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Можете мне поверить. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны».

Сидевший напротив Александров-Агентов (помощник по международным вопросам) заметил на это: «Ну что Вы, Леонид Ильич. 250 миллионов в стране – среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?!

«Ты не крути, Андрюша, – возразил Брежнев. – Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди 250 миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!».

Он сказал это в запальчивости, с нажимом.

Накануне дня рождения Брежнева (19 декабря 1975 года ему исполнялось 69 лет) в Завидово приехал Громыко. Три часа они беседовали с глазу на глаз. Мы, спичрайтеры, решили, что Громыко приехал поздравлять – они ведь считались друзьями. На утро, за завтраком, Л.И. как бы невзначай бросил: «Вот Громыко отпросился от Японии – он ведь туда по решению Политбюро должен был ехать в начале января. Я согласился: оно, конечно, – неохота ему Новый год портить подготовкой, поездка трудная. Да и смысла особого нет: они хотят островов, мы им их не даем. Так что результатов все равно никаких не будет. Ничего не изменится – поедет он или не поедет».

Александров насупился, побледнел, потом взорвался: «Неправильно это, Леонид Ильич. Мы – серьезное государство? Мы должны держать слово? Или нам плевать? Мы четырежды обещали, японцы уже опубликовали о визите в газетах. Мы с их престижем должны считаться? Или мы совсем хотим отдать их китайцам? Громыке, видите ли, Новый год не хочется портить. И решение Политбюро для него – ничто! Приехал отпрашиваться! Неправильно вы поступили, Леонид Ильич!»

Брежнев, явно не ожидавший такой атаки, ответил: «Он попросил – я согласился...».

Александров снова: «Вот и неправильно, что согласились. Киссинджер пять раз в этом году в Японии был. Тоже ведь ничего, кажется, не изменилось. Но не изменилось в пользу американцев. А наш Громыко в Бельгию, Италию, во Францию, еще куда-то – пожалуйста. А как действительно сложную работу делать, ему «не хочется Новый год портить». Надо разговаривать с японцами. Пусть, как вы говорите, мы ничего не можем сейчас дать им. Но надо вести переговоры, показывать свою добрую волю. Это – крупнейшая страна и она хочет иметь дело с нами. Этим стоит дорожить, считаться с этим. В этом и смысл дипломатии. Неправильно Вы поступили, Леонид Ильич».

Вмешался Блатов (второй помощник по международным делам). Что-то проговорил в этом же духе своим методичным нудным тоном, но достаточно настойчиво. Другие заговорили в их поддержку. С каждой минутой Брежнев мрачнел, но отпихивался репликами, пытался перевести разговор. Потом встал, шмякнул об стол салфеткой: «Хорошенький подарочек подготовили вы мне ко дню рождения!» И ушел из-за стола.

Мы вскоре переместились в «зимний сад». Сели работать, но дело не шло. Через час вошел Брежнев. Направился прямо к Александрову: «Ты победил, Андрюша. Сейчас я целый час разговаривал с Громыко. Сказал ему, чтобы он ехал в Японию».

В другой раз пошел еще один разговор в таком же духе: Брежнев напомнил, что на переговорах в Вене натовцы выступили с предложением: они убирают из Европы тысячу ракет с ядерными головками, а мы – тысячу танков. Это – для начала, чтоб сдвинуть переговоры с мертвой точки. «С точки зрения безопасности, – уточнил Л.И., – препятствий вроде нет. Ни американцы, ни немцы на нас после такого соглашения не нападут. Тут и бояться нечего. Вопрос в другом: друзья в социалистических странах будут против. Им наши танки нужны по совсем другим причинам. А то я бы и не на такое соглашение пошел. Не знаю, слышал ли ты об этом (обратился он к Александрову)? Нет? Об этом знает

только Суходрев (переводчик). Я это говорил с глазу на глаз Никсону. Я ему предложил: давайте наш Верховный Совет и ваш Конгресс торжественно заявят, что никогда каждая из наших стран ни под каким видом не нападет на другую ни ядерным, ни каким другим способом. Примем такие законы и объявим об этом на весь мир. И добавим, что если кто-либо третий нападет на одного из нас, другой поможет обуздать нападающего. Никсон очень, помню, заинтересовался этим предложением. Но потом его затравили и сбросили. Так это все и кануло.

А теперь вот даже после Хельсинки и моей встречи с президентом Фордом, Киссинджер, и всякие сенаторы – требуют вооружать Америку еще больше, требуют, чтоб она была самая сильная. Угрожают нам – то из-за нашего флота в океане, то из-за Анголы, то еще что-нибудь придумывают. А Гречко (*министр обороны*) – ко мне. Вот, говорит, нарастили здесь, угрожают повисить тут. Давай, говорит, еще денег – не 140 млрд., а 156. А я что ему должен отвечать? Я – председатель Военного Совета страны я отвечаю за ее безопасность. Министр обороны мне заявляет, что если не дам, он снимает с себя всю ответственность. Вот я и даю, и опять, и опять. И летят народные денежки»...

НАТО вскоре все же вернулась к идее заключения пакта.

Брежнев же, обидевшись, сказал: Нет!

За день до отъезда из Завидово, вечером после охоты Брежнев зашел в комнатку, где мы обычно отдыхали. Пошутил по поводу мрачного вида Александра. Тот завелся.

Брежнев: Ну что ты опять нервничаешь...

– Да, нервничаю. И не могу иначе. Вот, что, например, делать с предложением НАТО? Очень легко – сказать «нет». Но ведь есть большая политика. Хотим мы продолжить разрядку или только говорить, что хотим. Мы же согласились – «что политическую разрядку надо дополнить военной». А теперь что получается? Сами ничего не предлагаем. Они же предлагают совсем невинную вещь. У нас в соцстранах 16.000 танков. Что изменится, если там будет 15.000. Ничего абсолютно! Ничего не изменится и у них, если они выведут 1000 устаревших ракет. Но разрядка выигрывает. Потому, что все увидят, что мы готовы

разговаривать и что-то делать по вопросам гонки. Если же мы скажем просто «нет», понесем ущерб только мы. Будьте уверены, что их средства пропаганды используют наше «нет» наилучшим образом.

Брежнев встал и ушел. Андрей за ним, жестикулируя и что-то объясняя. Брежнев крикнул, оглянувшись: «Ужинать!» Но, спустившись вниз, он завернул в комнату охраны (там же узел связи) и минут сорок говорил по телефону. Вышел и объявил: «Поручил Гречке готовить предложения. Пусть подумают, как отреагировать на НАТО'вский ход... И велел ему провести до приезда Киссинджера (январь 76) какие-нибудь маневры и пригласить туда натовцев».

Для нашей темы в приведенных сюжетах особенно показательны, что столь всемогущий человек, глава сверхдержавы, по государственным полномочиям сравнимый с абсолютным монархом прежних времен, позволял разговаривать с собой в таком тоне, так навязывать политическое поведение.

И еще из Завидово. Как-то вечером за ужином включили телевизор. Там что-то про предстоящую Олимпиаду. Брежнев говорит: «Какой это дурак предложил устраивать ее в 1980 году в Москве?! Это же глупость! Угрожаем кучу денег, а зачем это?» Тем не менее, Олимпиада состоялась!

Какова же в конечном счете позиция Брежнева по проблеме «война и мир». Он действительно был **за мир**. Пожалуй, единственный в советском руководстве ощущал громадную ответственность СССР за недопущение мировой войны, ядерной. А раз Генсек сверхдержавы так считал – это по тем нашим временам было более, чем достаточно, как бы ни ворчали несогласные.

Особо приближенные ученые и интеллигенты-аппаратчики, которых Брежнев допустил к подготовке его речей, не раз убеждались в его откровенности, искренности в отстаивании мира. Перед ними был непоколебимый «сторонник мира» (прошу прощения за штамп, тогда он звучал). **И здесь его роль действительно «историческая».**

Если бы не «Чехословакия-68», на что он пошел, как я уже говорил, скрепя сердце и не будучи уверенным в прочности своего положения, если бы не

«Афганистан-79», на который его сподобила тройка членов Политбюро, пользуясь его физической и психической беспомощностью (он почти утратил представление о происходящем вокруг), то, думаю, он вполне заслуживал бы Нобелевской премии мира. Во всяком случае, Брежнев, по делам своим в пользу мира, был бы достоин ее больше, чем все, кто получил ее в 70-х годах. Конечно, представить себе Брежнева Нобелевским лауреатом по тем временам – чистая фантастика. Тем не менее...

Тем не менее, при Брежневе разрядка не могла стать необратимой, перерасти в нечто большее – какие бы разумные заявления ни делались, какие бы красивые миролюбивые речи ни произносил сам Генеральный секретарь ЦК КПСС. И какие бы конкретные шаги вполне на уровне здравого смысла ни делались. Система и ее механизмы исключали перемену стратегического курса, определяемого «непримиримой» идеологией. При всем своем миролюбии Брежнев бдительно берег основные опоры системы и поощрял их укрепление, – такие, как ВПК, КГБ, закрытость общества, цензура, репрессивная идеология, фактически сталинистский механизм и аппарат управления, кадровая иерархия и т.д.

Все эти опоры власти давно изжили себя как «инструмент» служения интересам народа – в том смысле, какой по идее закладывала в них революция 1917 года. Но они всегда – и чем дальше, тем больше – были по самой своей природе враждебны внешнему миру, особенно наиболее динамичной и прогрессивной его части. Поэтому потенциально были носителями военной угрозы.

Генсек со своей интеллигентной командой был повязан замшелой и непримиримой партийностью. И мы опоздали **еще на полтора десятка лет с прекращением холодной войны, а значит и с перестройкой.**

На самом деле, смысл и содержание брежневской Realpolitik можно условно свести к следующему:

1. Не допустить ядерной войны, добиваясь паритета с США и участвуя в гонке вооружений.
2. Сохранить великодержавный облик страны, удерживая в подчинении социалистический лагерь и его карикатурные отроги в тех местах «третьего мира», где получится.
3. Поддерживать авторитет страны... через тайно и явно питаемый страх перед ней и ее военной мощью.
4. Использовать внешние связи в экономических интересах.
5. Позиционировать СССР как образ будущего человечества – через идеологию (пропаганду) и международное коммунистическое движение. Правда, оба эти «элемента» внешней политики потеряли именно при Брежневе свою жизнеспособность.

Насчет «всепобеждающей идеологии» коммунизма уже мало кто верил из-за низкого уровня жизни в «цитадели социализма» и попрания в ней прав человека. А международное коммунистическое движение, проведя свое последнее Собрание в 1969 году в Москве, по сути, приказало долго жить. Существующее в основном на иждивении СССР, оно потеряло значение как фактор мировой политики. Брежнев, политик реалистичный, утратил к МКД интерес, относился с явным пренебрежением к встречам с лидерами компартий и соглашался лишь на формальные (для печати) протокольные «выходы» к ним при появлении их в Москве или во время визитов в их страны.

Внешняя политика при Брежневе (в том ее составе, который заключен в названных мною пяти пунктах), лишенная всякой перспективы и динамики, стала совсем тупиковой.

А упрямое, исторически уже не оправданное участие Советского Союза в «холодной войне», превратившее ВПК в **главный фактор** существования страны в том ее виде, источник ее самооценки и понимания своей роли в меняющемся мире, столкнуло ее на наклонную плоскость к упадку и государственному краху.

Понимал ли Брежнев опасность такого милитаристско-великодержавного курса? То, что приведено на предыдущих страницах, позволяет думать, что да.

Но, несмотря на всю его власть, он не был всемогущ. Да и его искреннее миролюбие не трансформировалось в государственную волю необходимого масштаба. Он был слишком «советский, слишком партийный деятель».

Я постарался показать, что нелепость, безумие, опасность холодной войны ощущались на **самом** высшем уровне в руководстве СССР, самим Генсеком задолго **до** перестройки. И курс, начатый Горбачевым, был в русле тенденции, которая пробивалась наружу до него, потому что отвечала реальным интересам и потребностям народа.

Для Горбачева проблема «мира и войны» была прямым продолжением его внутренних преобразований, направленных на ликвидацию постсталинского режима. О них, вернее, о героях нашего сочинения в связи с внутренними делами, речь пойдет дальше.

Что же касается мировой политики на рубеже веков, то, учитывая невидимую «преемственность» от Брежнева к Горбачеву, можно сказать: главное и спасительное здесь слово – **доверие**. Как только проявил качество, содержащееся в этом слове Брежнев, **произошла разрядка**. Как только положил его в основу своей политики Горбачев, **кончилась холодная война**.

Таков в «делах войны и мира» **долговременный** урок от пребывания во власти этих двух людей.

Несколько зарисовок на эту тему. Да... Доверие. Но не так однозначно оно выглядит, пропущенное через личность Горбачева, через, если угодно, его политическое воспитание.

С Рейганом оно, например, возникало медленно, с трудом. В личном общении Горбачеву открывался человек, а не просто представитель главного империализма, каковым он воспринимался в СССР и в партии, и народом, не говоря уже о высоких этажах власти, в Политбюро. Не раз, даже после Женевы, когда Рейган начал «вилять и отруливать», Горбачев называл его «подонком», был уверен, что президентом заправляет во всем военно-промышленный комплекс, а СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ нужна исключительно для того, чтобы нас обманывать и навесить над нами космическую угрозу уничтожения.

Только по результатам своего визита в США Горбачев убедился, что Рейган представляет свой народ, который его избрал, что он искренне озабочен угрозой ядерной войны и действительно хотел бы уничтожить это «ужасное оружие».

Повезло, что госсекретарем оказался при Рейгане мудрый Джордж Шульц. Он сумел доказать Горбачеву, что администрация США (во всяком случае, влиятельная его часть) действительно хочет взаимопонимания ради устранения ядерного столкновения. Благодаря Шульцу возникло более или менее устойчивое доверие. После визита в Нью-Йорк, где Горбачев произнес свою знаменитую речь в ООН), они встретились накоротке на Губернаторском острове (декабрь 1988 г.). Разговор был почти дружеский, Рейган будто передавал уже избранному новому президенту Бушу эстафету налаженных отношений. Позже у М.С. появилось даже почтение к Рейгану, который – именно он – сделал решающий шаг к окончанию холодной войны.

С Бушем-старшим, немножко схожим по характеру с Горбачевым, доверие сложилось с некоторой паузой. Впервые оно затеплилось под влиянием разговора в автомобиле, когда Буш, еще вице-президент, провожал Горбачева на аэродром после первого его приезда в США. И сказал, что, если он станет президентом, он не сделает ничего во вред его, Горбачева, стране.

Сблизились они на Мальте, а в Хельсинки, куда съехались, чтобы разобраться, что делать с Саддамом Хусейном, перешли на «ты»... по инициативе американского президента (разумеется, это «на ты» в англо-язычном варианте: стали называть друг друга по имени). Благодаря такому личному доверию удалось в общем-то спокойно отрегулировать проблемы объединения Германии. Буш был уверен, что оно пойдет на пользу и Советскому Союзу. Попытки же остановить этот процесс, считал он, имели бы тяжелые последствия, в том числе и для СССР.

Считается в определенных кругах, будто Горбачев под конец начал «сгибаться» перед своими партнерами на Западе, перед американцами особенно. Я этого не заметил. Не видел я и чтобы у них, западных лидеров, появилась

покровительственная жалость к Горбачеву. Уважение к нему и понимание значимости этого политика мирового класса сохранялись до конца.

Горбачев переживал, когда пришлось говорить о финансовой поддержке. Но он «не просил», а **требовал**, считая, что его страна, оказавшаяся в трудном положении, вправе рассчитывать на помощь и благодарность за то, что она сделала возможным устранить угрозу мировой ядерной войны.

С Бушем у него на этой почве случился однажды прокол. Было это в Лондоне за день до открытия заседания «большой семерки», куда Горбачев был приглашен (лето 1991 года). Буш позвал его в американское посольство утром накануне summit'a. Разговор шел обо всем. Вдруг Горбачев, сделав паузу, задал вопрос: «Джордж, а на самом деле, каким бы вы, США, хотели бы видеть Советский Союз?»

Буш покраснел и взорвался. «Майкл, я три или четыре раза, не помню уж сколько, говорил, что хотел бы видеть СССР успешно развивающейся на рыночной основе, демократической, свободной и миролюбивой страной, с которой мы могли бы нормально сотрудничать на благо своих стран и всего мира. Чего ты от меня еще хочешь! Сколько еще раз я тебе должен это повторять?!»

Позже Горбачев гордился своим «вызывающим ходом». Вроде как он заставил президента США «поклониться». На самом деле, Горбачев дал тут слабину, продемонстрировав сомнение в доверии, которое вроде сложилось, а главное, чтобы побудить Буша к более «щедрой» позиции на самом Саммите.

Горбачеву свойственна была этакая, я бы сказал, «обкомовская», манера быстро переходить на «ты» с теми, с кем ему приходилось иметь дело в политике. Исключение делал только для очень пожилых артистов, академиков, писателей, людей много старше его, а также для незнакомых женщин и священнослужителей. То же было и с иностранцами. Он был на «ты» почти со всеми немцами, начиная с канцлера Коля, со многими премьерами, министрами и послами других стран, с премьером и лидером Соцпартии Испании Филиппе Гонсалесом, с президентом Мауно Койвисто, с Радживом Ганди, с большинством итальянских деятелей, с американскими госсекретарями Шульцем и Бейкером, со

многими французскими политиками и, конечно, – со всеми из соцстран... Его не смущало, что некоторые продолжали обращаться к нему на «Вы». И никого не обижала эта «товарищеская и вполне искренняя манера, не воспринималась как проявление превосходства или старшинства.

Особый «вариант» – Маргарет Тэтчер. Они запомнились друг другу после своей встречи в Чекерсе в 1984 году. Умнейшая красавица-премьер – одной из держав увидела в знакомстве с этим необычным Генсеком КПСС шанс заметно обозначить себя в мировой политике.

Горбачев, у которого сложилось какое-то ироничное восхищение этой женщиной, пренебрег ее антикоммунистическими страстями и, несмотря на то, что буквально накануне своего приезда в Москву произнесла очередную антисоветскую филиппику, не допустил отмены визита. Потом Политбюро признало, что поступили правильно. Тэтчер «оправдала» гостеприимство действительно большой – в тот момент крайне важной – ролью в инициировании диалога между противниками в холодной войне, уговорила Рейгана «рискнуть» и попытаться использовать появление новой фигуры на советском горизонте. И у нее получилось.

У нас и на Западе, когда затрагивают тему «Горбачев-Тэтчер», пробрасывают намек: мол, помимо политического интереса друг к другу, между ними проскочил ток интимного магнетизма. Я не исключаю этого, хотя никогда Горбачев на этот счет со мной не «проговаривался».

Но сидя рядом с ним на переговорах *tete – a – tete* – в Кремле и на Даунинг-стрит – я, казалось мне, ощущал действие этого тока. Может быть, потому, что сам был очарован отточенной красотой этой женщины, ее быстрым и точным умом, умением держаться, мастерством полемики.

В разговорах основательных и серьезных по тональности, на самые разные темы, в том числе о перестройке и ее собственной реформаторской деятельности, Горбачев походя «шутливо» отбивался от ее инвектив по адресу коммунизма. А когда речь заходила о ядерном оружии, просто ее разыгрывал, упрекая в том, – как это она, женщина! – может так яростно отстаивать необходимость сохранения

такого человеконенавистнического средства. Она напрягалась, суежилась, нервничала...

В результате неоднократных встреч и очень откровенных бесед Горбачев и Тэтчер можно сказать (если можно?) «подружились». Во всяком случае, уважение друг к другу было на очень высоком уровне.

Не могу без волнения вспоминать сцену их последней встречи в качестве лидеров своих стран.

Окончилось знаменитое всеевропейское Совещание (ноябрь 1990 г.), принявшее Парижскую хартию о будущем единой Европы. Тэтчер заехала в наше посольство – резиденцию советского президента. Они долго разговаривали: у него дома нарастающие трудности и неприятности, а ее ждало в Лондоне намерение «своих же», тори ее свергнуть. Вместе вышли «на крыльцо» посольского особняка на ул. Гренель. Попрощавшись, она спустилась к машине и уже перед открытой для нее дверцей оглянулась, сделала какой-то жест на уровне пояса, будто перекрестила, и произнесла вполне внятно: «God save you! (По-русски звучит выразительнее: «Храни Вас Господь!»).

Думаю, это было не только пожелание справиться с проблемами, а и некоторый эмоциональный порыв. А то, что «Коммунист № 1» удостоился такого от надменной властной христианки, характеризует и его как человека.

Можно привести и другие факты для раскрытия понятия **доверие**. Но уже этого достаточно, чтобы показать, что эта политическая категория приобрела свою эффективность, потому что включила так называемый горбачевский «человеческий фактор».

III.

Брежнев – экономика, партия. Об экономическом положении страны при Брежневе написано очень много. Воспроизводить здесь всю панораму разных исследований и оценок, для моей задачи нет надобности. А давать свой, как бы обобщенный анализ, было бы с моей стороны слишком самонадеянно. Думаю, что

интересней будут некоторые «картинки» из тех времен, которые я видел воочию с близкого расстояния.

Я дам слово тем, с кем по доступности тогда закрытых материалов, по компетентности и близости к «высшей власти», которая им доверилась, не сравнится ни один более поздний аналитик, даже целые институты, не говоря уж о дилетантах-апологетах брежневщины.

Экономика, после неожиданного взлета в 8-ой пятилетке, снова начала деградировать. Умные и циничные хозяйственники во главе с председателем Госплана Байбаковым уже тогда понимали, что никакие постановления, призывы, взыскания и награждения ничего поправить не могут. Корень – в другом, глубже.

Это начали ощущать, если и не понимать, в тогдашней «элите». Но даже такие люди, как Иноземцев и Арбатов, ничего не могли предложить, кроме паллиативов, которые не выводили за пределы уже забуксовавшей системы.

Материальный уровень основной массы городского населения был терпимый, хотя все помнили, что как раз к этому времени Никита обещал завершить «первую фазу коммунизма».

По мере того, как обнаруживалась невозможность реализовать задачи, поставленные XXIV съездом КПСС (1971 г.), выявлялся и **инерционный** характер существования Советского Союза.

Депрессия... но не та, которая свойственна обновляющей ее цикличности капиталистической экономики. Это было начало стагнации и необратимого упадка. Будучи государственной и опираясь на партийную дисциплину, на карьеризм номенклатуры, на различного рода страхи и фобии, советская экономика могла существовать, но уже не развиваться.

Показательны в этом смысле пленумы ЦК, где более или менее откровенно говорилось о состоянии экономики.

Вот декабрьский пленум 1973 года.

Выступил Брежнев: план не выполнен по энергетике, металлу, химии, легкой промышленности и т.д. На 1974 год намечен предельно напряженный план, иначе горит пятилетка. И либо мы должны выйти к народу и сказать –

извините, мол, не получается, либо мобилизовать все силы, кровь из носу, но добиться выполнения плана. Большевики, мол, всегда избирали второй путь. (То есть путь штурмовщины, который все заметнее отторгался народом).

Брежнев сказал потом Арбатову: «Все успехи этого года были за счет политических средств (использование студентов, армии, горожан на уборке), «соцсоревнование», награды, ордена и т.п.

Председатель Госплана Байбаков заявил, что если составлять перспективный план на 15 лет из заявок министерств и ведомств, то реальный доход населения будет расти на 2% в год. Это меньше, чем ежегодно в предыдущие 15 лет.

И продолжал: 60-70 млн. тонн металла у нас во время переработки идет в отходы. По тоннажу металлообрабатывающих станков мы производим столько же, сколько США, Япония и ФРГ вместе взятые, а по числу сделанных из добытого металла станков и по их производительности, далеко отстаем от каждой из них. Финляндия вывозит древесины в 10 раз меньше, чем мы, а выручает валюты в два раза больше. Это потому, что от нас она уходит в необработанном виде. Из одного кубометра древесины мы на три четверти производим продукции меньше, чем в капиталистических странах.

Наши авиа- и автодвигатели обладают гораздо меньшим моторесурсом, чем на Западе.

Договорились с ФРГ построить им на компенсационной основе газопровод, но вовремя не сделали, и нам предъявили иск в 55 тысяч долларов за каждый просроченный день.

На складах скопилось на 2 млрд. рублей неходовых товаров, т.е. таких, от которых отвернулся покупатель. Это почти равно сумме капиталовложений во всю легкую промышленность на остаток пятилетки.

Проект на строительство КАМАЗ'а был оценен в 1 млрд. 700 млн. рублей. Теперь выяснилось, что потребуется еще 2 с половиной млрд., а потом, может быть, и больше.

В 1955 году задумали строить в городе Салават завод полированного стекла. Проект был готов к 1962 году. Но в 1961 году англичане предложили нам лицензию на завод с иной методологией. Мы купили лицензию, по которой работают уже три завода и дают великолепное стекло. Между тем, салаватский завод продолжал строиться. В 1972 году был закончен, но выяснилось, что установленное оборудование стекло не полирует, а ломает. Все оно было пущено на переплавку.

В Курске построили трикотажную фабрику на иностранном оборудовании для особо дефицитного трикотажа. Но она работает в половину мощности: не хватает рабочей силы. Оказывается, при проектировании фабрики забыли о жилье.

Огромное количество собранного в этом году зерна оставили хранить в буртах под открытым небом. Сгнило. В миллионах рублей исчисляются потери зерна, цемента, овощей, фруктов и др. из-за отсутствия тары и несвоевременной подачи транспорта.

Вкладываем большие суммы в производство мощнейших тракторов К-700 и Т-150, а навесных орудий к ним не делают. И используются они лишь на 50 % своих возможностей. Вбухиваем несметные деньги в производство хлопка, но текстильное, швейное, красильное хозяйство настолько устарело, что конечная продукция ложится мертвым грузом в магазинах.

И т.д., и т.п.

Запланировали превышение группы Б (производство потребительских товаров) над группой А (производство средств производства). Но с 1971 года по-прежнему происходит изменение соотношения в пользу А (потому что в группу А входит военная промышленность). Планы по выпуску товаров народного потребления систематически не выполняются.

Брежнев признал, что мы не можем преодолеть положение, когда предприятиям выгодно обманывать государство, и объяснение этому есть: на стороне количественных показателей и план, и премии, и традиция, и контроль

инстанций. Не мудрено, что в схватке с качеством количество всегда побеждает. Ибо на стороне качества – одни только призывы и «умные» статьи в газетах.

Критический настрой выступления Генсека подтолкнул большинство, выступивших в прениях вываливать десятки подобных фактов.

На Политбюро обсуждался проект торгово-экономического соглашения с США.

Подгорный первый взял слово. Неприлично нам, мол, ввязываться в эти сделки, с газом, нефтепроводом. Будто мы Сибирь всю собираемся распродавать, да и технически выглядим беспомощно. Что мы сами, что ли не можем все это сделать, без иностранного капитала?!

Брежнев пригласил Байбакова объяснить. Тот спокойно подошел к микрофону, едва сдерживая ироническую улыбку. И стал говорить, оперируя на память десятками цифр, подсчетами, сравнениями.

1. Нам нечем торговать за валюту, сказал он. Только лес и целлюлоза. К тому же продаем с большим убытком. Ехать на продаже золота мы тоже не можем. Да и опасно в нынешней валютной ситуации.

2. Американцев, японцев да и других интересует у нас нефть, еще лучше – газ. Импорт будет у них расти, причем они предпочитают получать сжиженный газ. И предлагают:

а) построить газопровод из Тюмени до Мурманска, а там – газосжижающий завод, и на корабли;

б) построить газопровод из Виллюя через Якутск в Магадан.

Нам выгоднее последнее. Через 7 лет окупится. Все оборудование для строительства и эксплуатации ихнее.

Если мы откажемся, продолжал Байбаков, мы не сможем даже подступиться к Виллюйским запасам в течение, по крайней мере, 30 лет.

Технически мы в состоянии сами проложить газопровод. Но у нас нет металла ни для труб, ни для машин, ни для оборудования.

3. Сахалин. Японцы предлагают организовать здесь добычу нефти со дна океана. Но у нас для этого нет установок. Одна, голландская, работает на Каспии.

Подгорный: Да там же на Сахалине ветры дуют, все постройки снесут.

Байбаков с ухмылкой: «Николай Викторович, Сахалин большой, на севере дуют ветры, на юге – не дуют. А потом, это у японцев пусть голова болит насчет ветра, но они почему-то его не боятся».

Брежнев гневно: Ссылаются здесь на погоду прошлого года. Но это правильно для сельского хозяйства. А в промышленности – ссылка на погоду... Как вам не стыдно, товарищ Казанец (министр металлургии)... хвалитесь, что выплавляете больше США... А качество металла? А то, что из каждой тонны только 40% выходит в продукцию, остальное – в шлак и в стружку?!

Капитальное строительство. Незавершенные стройки. Старая болезнь. Мы прикинули: на каждую из 270.000 строек приходится по... 12 рабочих. Если же, скажем, на Камазе – 70.000, то получается – на сотнях, тысячах строек вообще нет рабочих!

Ссылаются на поставщиков. Но посмотрим на факты. Товарищ Тарасов (легкая промышленность) – у вас на складах миллионы пар обуви валяются. Их уже никто никогда не купит, потому что фасоны лапотные. А ведь на них ушло сырье, которого, как вы говорите, вообще мало. Так ведь можно скупить все заграничное сырье и пустить его под нож... Людям нужны не деньги, а товары. И только, имея товары продаваемые (!), мы можем вернуть деньги, чтобы строить домны и т.п.

А как мы работаем? Был я в августе в Барнауле на новом шинном заводе. Спрашиваю у рабочих: вот вы имеете все современное оборудование, наше и заграничное, вы должны выпускать 9000 шин в день, а выпускаете 5000. Отвечают: министр Федоров дал нам 30 месяцев до выхода на полную мощность. Хорошо! На днях получаю сводку: этот Барнаульский завод уже в ноябре выпустил 9000 шин – проектную производительность. То есть «приняли меры»

после моего разговора. И так: 30 месяцев и 3 месяца! ... Что же это такое? Лень, безответственность, головотяпство, преступление?!

(Спустя 40 лет Путин прибегнул к такому «ручному управлению». Причина та же: механизм экономики сам, на «автопилоте» не работает).

Мы не выполняем главного в постановлении XXIV съезда – подъема производительности, эффективности, продолжал Генсек. Весь съезд и вы, присутствующие здесь, сидели и хлопали, когда говорилось о новой задаче – одновременного движения по основным направлениям экономического развития (и подъем благосостояния, и рост производительности, и обороны). А что же получается? Мы же этого поворота не совершили, 2 года уже прошло после съезда, половина пятилетки! А нам вот товарищ Байбаков докладывает, что план 1972 года не выполнили, в 1973 году тоже не выполним, а потом вообще неизвестно что. Госплана, как организации, определяющей стратегическую перспективу и строго контролирующей ход нашей экономики, у нас нет!

Характерна реакция на эту речь. Выходим толпой из Свердловского зала (там всегда проходят пленумы), рядом оказался Бородин (директор ЗИЛ'а), один из боссов нашей индустрии. Арбатов спрашивает у него: Ну, как? Да, красиво, – отвечает. Это вы, наверное, подпустили там красот и убедительности, писатели вы хорошие. Но только мы все это слышали уже не раз. От раза к разу речи все красивее, а дела все хуже и хуже. И это все сказано вслух, в толпе членов ЦК, которые даже не оглянулись, занятые, видимо, такими же мыслями.

Иноземцев после участия в подготовке на даче в Волынском доклада Брежнева к XXV съезду КПСС вынес убеждение: «Ничего не будет. Генеральный принимает аргументы, соглашается с предложениями, возмущается сам и т.д., но смотришь на него и видишь: ничего не будет сделано. Не раз мы с Арбатовым говорили ему, что ничего практически не делается. Аппарат и Совмин все заблокировали. И опять – хорошие слова и резкая критика лишь на мгновение вызвали колебания воздуха. Генеральный это знает, но ничего не изменится», – заключил академик, директор самого компетентного академического института.

В то же время почти каждый день газеты печатают, а радио и телевидение передают письма Брежневу или его приветствия по случаю ввода в строй какого-нибудь завода, электростанции, стройки, того или иного почина или победы в соцсоревновании. Также почти каждый день Брежнев приветствует какой-нибудь коллектив, какое-нибудь собрание, а они, естественно, – под «огромным впечатлением» от этих приветствий, а затем принимают ответные послания. Не проходит недели, чтоб не появлялось новых Героев соцтруда.

Между тем, накануне очередного пленума Андропов доложил Брежневу, что в Перми (миллионный город с военной промышленностью) мясо дают по талонам один раз в неделю – в пятницу, и не в магазинах, а распределяют по предприятиям.

Бовин, вместе с Арбатовым, Иноземцевым, Цукановым, Сухаревским и еще кем-то два месяца в Волынском-2 готовили Брежневу доклад. Сочинили 42 страницы «красивого» текста на основе изучения вороха разных закрытых материалов. Велено было свести к 5-8 страницам.

Суть Бовин изложил мне так, ссылаясь на факты, которые потом привел на пленуме Рябов (Свердловский секретарь обкома): в 1968 году заложили трубопрокатный цех в Свердловске, в 1970 стройку заморозили, в этом же году заложили такой же цех в Челябинске, в 1972 году заморозили. В 1974 году выяснилось, что, несмотря на импорт, труб не хватает. Но вместо того, чтобы разморозить (впрочем, уже заржавевшие с тех пор стройки), заложили новый цех в другом городе.

Так работала ультраплановая экономика.

Брежнева слушали вяло. Все уже привыкли. Знают, что ничего не будет и что даже на закрытом пленуме не осмелятся на какую-нибудь крутую акцию, потому что она может выглядеть скандально и очернит «новые грандиозные успехи».

Идет подготовка XXV съезда КПСС. Гостев за главного. Это – первый заместитель планово-финансового отдела ЦК. В Волынском среди спичрайтеров Арбатов, Иноземцев, я и еще несколько аппаратчиков из промышленного и

сельскохозяйственного отделов. Печальная картина. Сначала долго спорили, от чего считать успехи пятилетки. Казалось бы, естественно – от Директив XXIV съезда. Но тогда вопиющее невыполнение по всем параметрам скрыть будет никак невозможно. Если же – от Закона о пятилетнем плане, то картина будет еще хуже, так как закон был принят несколько позже и с нажимом на интенсификацию показателей. Оставалось одно – считать от суммы годовых планов, каждый из которых занижался и потому с грехом пополам выполнялся. Точка отсчета, конечно, совершенно нелепая и лживая.

Брежнев, когда ему доложили о дискуссиях в нашей группе, ворчит, относит все к косыгинским выдумкам: директивы всякие и проч.... «Ведь успехи-то есть! Все выросло, все увеличивается, всего больше становится. Чего еще нужно? Зачем ковыряться во всяких «методиках»?!»

Однажды при зачитывании ему проекта его доклада, где было сказано, что пришлось опять закупить зерно за границей, Брежнев велел это место выбросить. Стали доказывать: мол, все знают и могут сказать... «Пока мы живы, – возразил Генсек, – никто ничего не скажет. А умрем, тогда пусть говорят!» (Между тем, заготовки зерна составляют 50 млн. тонн, а на 30 млн. было решено купить за границей, 24 уже закупили... И действительно – пока «никто ничего не сказал»).

Бовин говорит: если с превращением провалов и отставания в новые исторические успехи мы, спичрайтеры, как-нибудь еще справимся, то с определением перспективы вообще неизвестно, что делать, – так все запутано, так все неопределенно, в смысле возможностей и ресурсов... Следовательно, десятая пятилетка тоже будет составлена на глазок, с потолка. И потом: какова главная идея новой пятилетки? На XXIV съезде очень красиво, арбатовским пером было сказано, что в основе девятой пятилетки должен быть рост благосостояния народа, что темпы Б должны быть отныне выше темпов А, что теперь мы достигли такого уровня, когда можем одновременно решать и проблемы накопления, и проблемы потребления, что девятая пятилетка – это пятилетка качества, производительности труда, соединения социализма с НТР. Так вот: по всем этим параметрам никаких сдвигов и достижений с момента съезда нет. Какая

же новая идея должна быть заложена в новую пятилетку? Опять пятилетка качества? Но ведь и о девятой то же самое говорилось, и на XXIV съезде и на всех пленумах ЦК между съездами, и во всей пропаганде. Во всех текущих постановлениях ЦК по экономическим вопросам об этом только и твердили. Что придумать в такой ситуации, абсолютно не ясно.

Брежнев тогда еще сориентировал экономику на Тюмень, уже стал готовить страну «сесть на иглу». Весь прирост нефти, газа в стране шел тогда уже за счет Тюмени. «Не пожалели средств и сил» (слова Брежнева), а в легкую промышленность не дали того, что обещали даже приблизительно.

На партконференции аппарата ЦК (апрель 1975 г.) прозвучали тоже любопытные вещи. Особенно из уст Гостева, желчный и умный прагматик. 95 % предприятий не выпускает никакой продукции высшего качества, 2/3 министерств не выполнили план. Пришлось перевести в распродажу (из-за низкого качества и старомодности) на 2 млрд. продукции ширпотреба, но она все равно осталась на полках. Секретарь партбюро из Комитета партийного контроля навалом давал факты о коррупции на всех уровнях – от облисполкомов и республиканских министерств до журналистов и хозяйственников. Оказывается, Насрединову, длительные годы бывшую председателем Совета Национальностей СССР, сняли, а потом и вывели из ЦК за невероятные аферы с дачами, домами, шубами и машинами. Свадьба ее дочери обошлась государству чуть ли не в миллион рублей.

На Новый год моя секретарша ездила в Кострому на свадьбу какой-то родственницы. Спрашиваю:

- Как там?
- Плохо.
- Что так?
- В магазинах ничего нет.
- Как нет?

- Так вот. Ржавая селедка. Консервы – «борщ, «щи», знаете? У нас в Москве они годами на полках валяются. Там тоже их никто не берет. Никаких колбас, вообще ничего мясного. Когда мясо появляется, – давка. Сыр – только костромской, но говорят, не тот, что в Москве. У мужа там много родных и знакомых. За неделю мы обошли несколько домов и везде нас угощали солеными огурцами, квашеной капустой и грибами, т.е. тем, что летом запасли на огородах и в лесу. Как они там живут!?

Запись в дневнике – апрель 1976 года. Вчера утром пошел в молочную и булочную. Народу!.. Ворчание-симфония толпы: мол, вот, нет порядка, не могут организовать дело, две бабы на столько народа и не торгуют, а ящики перетаскивают, да коробки вскрывают... Выходной день, а тут стой в очереди... и продуктов никаких нет... о твороге уж забыли, как он пахнет и т.д. и т.п. И вдруг над всеми грубый голос мужика лет сорока:

– А что вы хотите! У нас система такая. Эти бабы (продавщицы) не виноваты. Виноваты те, кто за зеленым забором икру жрут. У них там и творог есть. А у нас в стране хозяина нет. Хозяин только и делает, что о светлом будущем коммунизма выступает, а с каждым годом все хуже и хуже. Так и будет, пока хозяина настоящего нет.

Никто не удивился, не возмутился. Это, видимо, привычное дело – такие речи в магазинах. Толпа в основном поддакивала и благожелательно комментировала, в том числе молодой милиционер, стоявший в очереди за молоком. А я, извиняюсь, член одной из самых важных инстанций КПСС, стоял и помалкивал. Да и что мог сказать, когда у рядом стоящих «факты на прилавках».

В булочной бабы передрались из-за куличей, а когда в проеме полок раздался голос: «Больше нет, все! И не будет!», поднялся такой гвалт, что я опрометью выскочил за дверь.

Итог проблемы Брежнев и экономика. Судя по всему, для тогдашней верхней части элиты – в основном это члены ЦК, – для тех, кто еще умел думать и

не растерял совесть, было ясно, что экономика безнадежно разваливается, что инерция развития иссякает. Но попытки таких ученых, советников и спичрайтеров, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Шишлин, Гостев, что-то придумать, разбивались о **принципиальное** нежелание Генсека и К^о что-либо существенно менять.

Брежнев не собирался «целенаправленно» **развивать** экономику. Полагался на автоматизм марксистско-сталинской хозяйственной системы, которого в ней не было и не могло быть. Она шла по ухабистой наклонной, постепенно заваливаясь.

А роль государства = партии – это план сверху донизу, до мельчайших деталей, который не мог (и никогда этого не достигал) предусмотреть все потребности даже в секторе А и был обречен на неэффективность и демагогию в политике и идеологии.

Понукание, подгоняловка, награды, поощрения, ордена, звания, переходящие знамена и т.п., приветствия и поздравления Генерального секретаря, наказания, снятие с должности, угрозы «положишь партбилет» и т.п. Весь этот маскарад оказывал какое-то воздействие на производство, но с годами все меньше. Экономика помаленьку затухала, но на «оборону» деньги шли непомерные, несмотря ни на что. Она была главным орудием сохранения империи во вне и имперско-советского духа в народном сознании. Действовала прямо по Оруэллу большая ложь.¹¹

Правда, согласно Ницше отказаться от ложных суждений, от ложных идеологий, от ошибочных позиций, от ложной политики – значит отказаться от жизни. Но правильно и то, что сформулировал первый чехословацкий президент Томаш Масарик, он же крупный ученый, философ, историк: «Великое не может быть великим, если оно лживо». Впрочем, ложь бывает разная: в нашем случае – была сталинская, была брежневская и ельцинская, теперь есть ложь путинская,

¹¹ Ложь и ложные суждения являются основным условием существования если они способствуют сохранению, даже развитию жизни. И не правы ли были мудрецы, которые, как Великий Инквизитор у Достоевского, выдавали тогда ложь за истину? И не благоразумнее всего было бы оставаться при традициях и не пытаться допытываться того, что есть истина» (См. Лев Шестов, «Достоевский и Ницше». В книге «Философия трагедии», стр.278-279).

которая оболгала перестройку, пытавшуюся как раз избавить страну от самообмана и обманывания других себе во вред.

Если посмотреть первые выступления Горбачева после прихода к власти и материалы первых обсуждений унаследованного положения, то увидим ту же самую картину. Знаменитая брежневская «стабильность» привела к застою. Был порыв – с идеей специального пленума в 1974 году – по «ускорению» развития на основе «научно-технической революции». Он из кабинетов так и не вышел, и горы подготовленных в ведомствах и в научных институтах разработок легли в архивы.

Но Горбачев пришел как раз для того, чтобы покончить со «стабильностью» и начать движение. И поставил вопрос об экономической реформе. Проведено было – и не одна – очень откровенная дискуссия ученых, хозяйственников, партийных деятелей. Состоялся пленум ЦК по экономической реформе, правда, лишь летом 1987 года.

Вадим Андреевич Медведев, который стал уже секретарем ЦК, принял в этом самое активное участие. В своих книгах, написанных после распада СССР, он подробно рассказывает всю эту историю. И убежден до сих пор, что, если бы Рыжков и его команда действовали бы в соответствии с духом и буквой решений этого пленума, то такого кризиса, с которым столкнулась вскоре перестройка, можно было бы избежать. Более того – постепенно перейти к рыночной экономике.

Я же уверен, скорее, в обратном. Та «медведевско-горбачевская» реформа (позволю себе так ее назвать) не посягала еще на основные принципы и устои советской экономики. Она давала некоторый выход энергии предпринимательства посредством частичных мер (кооперация, оптовая торговля средствами производства, самоокупаемость и «самостоятельность» предприятий, право на внешние связи, большая свобода в кадровых вопросах, право индивидуальной трудовой деятельности и сбыта своей продукции и т.п.). Но принятые меры не меняли сути централизованного планирования и распределения. Более того – они

оказались противопоставленными друг другу, результаты их сталкивались, создавая неразбериху в ценообразовании, в зарплате, в условиях труда... Впрочем, стоп: тут я залезаю не в некомпетентную для себя сферу и поэтому скажу только о том, что относится к теме Очерка, – о поведении Горбачева на одном из крутых перевалов перестройки.

Дело тут, думаю, не только в том, что советская экономика, в принципе «не реформируемый» объект. Дело также и в том, как пытались ее «исправить», именно исправить, а не «отменить».

Напомню, что в самом начале я сослался на Прохорова с его фразой «не знали, чем заменить». Вот именно. 1990 год – экономический кризис вполне явно вползал в перестройку («на полки магазинов»). Горбачев попросил акад. Шаталина, Явлинского и Петракова подготовить проект выхода из угрожавшего положения. Они представили приснопамятную программу «500 дней». Горбачеву она в основном понравилась. Но не понравилась Рыжкову и его правительству. Премьер и его зам. академик Абалкин настаивали на своей программе. Включился Ельцин, на стороне Явлинского. Началась свалка между двумя правительствами – российским и союзным. Чтобы их разнять Горбачев поручил группе во главе с академиком Аганбегяном объединить обе программы – Шаталинскую и Абалкинскую. Ничего не получилось. (Ельцин сравнил это с попыткой «оженить ужа и ежа»). Но и премьерская программа, которую продавили в Верховный Совет, не была вовремя утверждена.

Что сказать об этом эпизоде в свете нашей темы?

Горбачев любит слово «выбор». Это вроде хорошо. Но бесконечно выбирать невозможно. Особенно, если на дальнем пути... Нельзя то и дело перегружать его дополнительными «выборами». Один полководец сказал: «Лучше плохой приказ, чем поиск идеального решения, когда сражение уже началось».

Получилось именно так. Можно было, конечно, ошибиться. Но уверен: если бы твердо взялись проводить программу «500 дней», было бы лучше для

продвижения перестройки. При всех слабостях этого оригинального проекта, при всех его недостатках, он был **конкретен** в постановке задач и определении сроков, и он обозначил ясно **цель** – мы идем к **рынку**, не какому-то там с социалистическими оговорками, а к общепринятому и показавшему свою неизбежность на протяжении веков во многих странах.

А такая определенность и конкретность очень важны в политике, особенно в ее тактической составляющей. Они давали бы передышку перестройке, выигрывали бы для нее время.

«Перестроечная» общественность открыто и нахально требовала уволить Рыжкова. Ближайшие советники и помощники президента были такого же мнения. Но Горбачев медлил: по соображению человеческой жалости и товарищеского сочувствия... в ущерб интересам дела, во вред стране. (Рыжков, как известно, ушел по причине инфаркта).

М.С. не раз говорил публично и на закрытых совещаниях: перестройка – это революция и она требует действовать соответственно. Но сам он не рисковал действовать именно так в критические моменты.

Страхи и запугивания, к которым прибегал Рыжков и его команда, развязное идеологическое давление, исходившее из верхней части номенклатуры, сыграли свою роль в поведении Горбачева на этом важнейшем участке перестройки. Однако считаю, что и тем, и другим можно было бы пренебречь... не только «в душе» (что, свидетельствую!, имело место), но и на практике, в политической воле.

Уверен: никакого взрыва не произошло бы со стороны русского народа (а это главное), как не случилось его и тогда, когда беловежская тройка великих посредственностей «распускала» созданную этим народом в веках «империю».

Будь принята и начата определенная, конкретная экономическая программа, она не остановила бы развала Советского Союза. Это было макроисторически неизбежно. Но, может быть, не случилось бы ни путча, ни «беловежья», хотя нечто подобное ельцинщине России пришлось бы пережить в условиях дискредитации центральной власти и разгула свободы, практикуемой как «все

позволено». Тем не менее, Горбачеву, возможно, удалось бы продвинуть дальше и затвердить крепче свои гуманистические, демократические идеи, столь необходимые для будущего страны.

Таковы мои предположения. В реальности же было нечто **самое главное**, что сорвало перестройку. При наличии этого главного действия Горбачева в приведенном случае выглядят частностью.

Главным была **монополия партии** на власть, на собственность, на управление, на всю политику, культуру, даже на правила повседневной жизни людей, их личные взаимоотношения.

Что загвоздка всему его делу будет в партии, Горбачев начал ощущать довольно рано. Инициированный им знаменитый январский пленум ЦК 1987 года по кадрам об этом свидетельствовал. Однако, при всей остроте постановки на нем вопросов, он остался в истории как попытка уговорить партийцев быть авангардом перестройки. Но уговорам они не вняли и пленум ничего, по сути, не дал и не изменил. Но тогда еще не касались монополии КПСС на власть. Эта идея возникла через год.

Принципиальное отличие Горбачева от Брежнева как раз и состояло главным образом в том, что он посягнул на «святое святых» социалистическо-сталинского строя. Однако сделать это, т.е. лишить КПСС государственно-властного статуса надо было раньше. И сделать это круче, т.е. пусть через своего рода *coup d'Etat*, а не растягивать еще на два года, когда Верховному Совету, наконец, «разрешили» отменить 6-ую статью брежневской Конституции. Сделать тогда, когда авторитет лично Горбачева еще стоял в зените, не говоря уже о неоспоримо мощном авторитете его должности.

Теперь Михаил Сергеевич публично, при каждом удобном случае признает, что одним из главных его упущений было запоздание с реформированием партии. Это близко к истине. Только правильнее было бы признать, что дело не в «запоздании», а в том, что **своевременно** не поставили вопрос о «ликвидации».

Да, да, – о ликвидации партии как таковой, как узурпатора власти. Это могло бы оказаться спасительным для перестройки.

Кстати, не раз среди своих, да и на Политбюро, Горбачев задавал вопрос о легитимности власти партии. Она ведь действительно захватила власть в Октябре 17-го. В революции это, естественно, отвечает самой природе этого понятия – революция. Но выборным органом в новой стране, т.е. легитимным – были Советы. Под их знаменем и благодаря им революция победила. Но потом, особенно после Ленина, партия в 20-х годах постепенно лишила Советы всякой реальной власти, превратив их в декорацию. Правила «от имени народа», но не «по поручению народа». Именно такое понимание – как господство меньшинства (коммунисты) над большинством (граждане) и воспринял Горбачев, решив пойти на разрыв связки «партия = государство».

Как бы то ни было, Горбачев, пусть с опозданием, осуществил этот *coup d'Etat*:¹² «Хорошо» – это им «плохо»? Для многих людей, с учетом неизбежного после такой акции ускоренного разрушения Советского государства, – плохо, даже очень. Но **исторически** было неизбежно. А История не оперирует в своем движении к неизвестному будущему (или концу) категориями «хорошо» – «плохо». Горбачев был орудием Большой Истории. Таковой получилась его миссия в этом мире, хотя, конечно, разрушения Советского Союза, подчеркиваю еще раз, он не хотел. Он намеревался его тоже «реформировать», т.е. преобразовать в нечто не то же самое, но в общем похожее.

IV.

Идеология. Идеология при Брежневе, необратимо утратившая свой революционный, вдохновляющий и мобилизующий потенциал, окончательно слилась с лживой «пропагандой успехов». Оторванная от реалий внутри и вовне, потерявшая всякую эффективность, она уже не использовалась в практической политике, но нужна была для сохранения имиджа альтернативы «империалистическому Западу». И, конечно, служила демагогическим

¹² Имею в виду XIV партконференцию и альтернативные выборы на Съезд народных депутатов.

прикрытием партийно-государственного контроля над духовной жизнью общества.

Она была и причиной, и жертвой безвыходного экономического застоя. В качестве квази-религии внутри была мертва. Никто не верил в ее догмы, сверху донизу. Она впервые натолкнулась и на открытую оппозицию, которую нельзя было уже задавить по-сталински. Появились Солженицын, Сахаров, диссидентское движение. Романтическо-идеалистическое оно начиналось с того, что критиковало и осуждало советскую власть, апеллируя к ее собственным законам и программным установкам, а потом стало открыто антисоветским.

В какой степени и как идеология отражалась в личности обоих наших вождей?

У Брежнева о ней были самые примитивные представления и самое прагматическое отношение. Он вряд ли знал, что такое марксизм-ленинизм. Представление о нем не выходило за пределы «Краткого курса истории ВКП(б)». Не уверен, чтобы он когда-либо читал Маркса, а Ленина – максимум по обязательному списку провинциального технического вуза, где он учился в 30-х годах.

Еще не поднявшийся на самую вершину власти, он предупреждал Бовина и Арбатова, – первых, кто стали ему писать речи: не делайте из меня теоретика, никто не поверит. Правда, на вершине власти он смирился с тем, что его величали «выдающимся марксистом-ленинцем».

Для него было аксиомой, что мы строим социализм. А коммунизм – наше будущее. Всякие этакie изыски вокруг терминов «развитой социализм», «развивающийся социализм», «новое прочтение» Ленина и т.п. вызывали в нем искреннее презрение.

Он держал фельдфебеля «в Вольтерах» для общественных наук и всяких теоретиков. В этой должности служил Трапезников, которого Брежнев вывез из Молдавии, где тот сочинял речи для него – первого секретаря молдавского ЦК. Ненавидимый всей интеллигенцией слева направо, отъявленный сталинист и антисемит, грубый и подлый, он испортил жизнь немалому количеству

талантливых людей. Поставленный в ЦК заведующим Отделом науки, пребывал в этом посту до самой перестройки. Его «не любил» даже Суслов, ортодокс и догматик, главный хранитель чистоты марксистско-ленинской теории. (Бовин называл его ёрнически, «директор идеологического банно-прачечного треста»). Но даже он не смог выбить из кресла этого уродца (также и в прямом смысле, видимо, после полиомиелита). Трапезников безраздельно определял основные кадровые назначения в научных институтах и вузах, вмешивался во все «гуманитарные сферы».

Генсек не мог этого не знать, но «не замечал». Иногда, впрочем, вносил коррективы. Главным образом – под давлением приближенных интеллигентов. Велел, например, Гришину, первому секретарю Московского горкома КПСС, прогнать Ягодкина. Тот был секретарем парткома МГУ и вызывал всеобщий стон среди преподавателей и студентов гонениями на каждую оригинальную мысль, взыскивал за любое отклонение от догматических формул и клише.

Или такой вот эпизод. Обсуждаем раздел для его доклада, в котором – о работе с интеллигенцией. «Я вот вспоминаю такой случай, – говорит вдруг Брежнев. – Приносит мне Самотейкин (его референт) письмо. От Любимова – режиссера театра на Таганке. Тот пишет, что горком его хочет исключить из партии. Что-то он там поставил, что им(!) не понравилось. Звоню Гришину, говорю: «Отмени решение, если уже принял. Так нельзя с интеллигенцией работать». Тот отменил, вроде встретился с Любимовым. И смотрите: через несколько месяцев он поставил такую пьесу... как она, ну как называется? (Все подсказывают: «А зори здесь тихие»). Вот, вот. Ни один человек без слез не уходит из театра. *(И сам прослезился, проглотил комок)*. Вот как надо работать!»

Брежнев заменил погибшую Фурцеву Демичевым в качестве министра культуры. Если Трапезников был «фельдфебелем в Вольтерах» для интеллигенции, то этот вроде как «прапорщик», с которым тот должен был считаться: Демичев, хотя и перестал быть секретарем ЦК, но оставался кандидатом в члены Политбюро. В Завидово среди «своих», но и в присутствии всех, в том числе обслуги и врачебного персонала, Брежнев издевательски

высмеивал Демичева, называл его «невеждой и бездарью». Однако, однажды вскользь «пропустил»: «пусть, мол, пока живет, тем более, что его даже на пищевую промышленность не поставишь, он и там ничего не понимает, хотя и химик» (по образованию). И добавил: сначала надо людей как следует накормить,.. а потом уж все такое.

Было у него «чутье» и на идеологическую тарабарщину, которой были заполнены наши средства массовой информации. Это – от здравого смысла, который ему был присущ в большой степени.

Когда мы, спичрайтеры, собравшись опять в Завидово, спросили его о докладе Суслова на одном недавнем торжественном мероприятии, Брежнев сказал: скучно до невероятия, весь зал, должно быть, засыпал... так сваи бабой в фундамент забивают. Вот так и здесь: ни одного живого слова, ни одной мысли. Тысячу раз слышанное и писанное. Брежнев будто понимал, что отказ от «холодной войны» и действительно коренной перелом в мировой обстановке не может не иметь глубоких социально-психологических, а значит и идеологических последствий, что догмы, унаследованные от «Краткого курса», не могут бесконечно оставаться мировоззрением думающей части общества. Однако...

Суслов – беспрекословный «идеолог партии». Брежнев возлюбил его после знаменитого пленума ЦК (1972 г.), когда тот неожиданно вознес Генсека и затвердил формулу: «Вперед к коммунизму под руководством Ленинской партии и лично товарища **Брежнева Леонида Ильича**». Называл его «Мишей», хотя не переставал, бывало, посмеиваться: «пьет кефирчик» и не переносит водку.

Сохранял на идеологии Суслова, этого марксистского Саванароллу. По тем же причинам, что Трапезникова и Демичева нужен был, чтобы «держат» партию. Добавлю: не только по идеологическим соображениям, а и из благодарности за личную преданность, что тоже показательно для характеристики отношения Брежнева к самой идеологии как «профессии».

Впрочем, там, где она напрямую выходила в политику, он был бдителен. В связи с обсуждением в Завидово какого-то текста Брежнев вдруг вспылал. «Мы Шелеста сняли, Мджаванадзе (грузинского первого секретаря ЦК сняли, а до

этого еще – Алиева (азербайджанского), Кочиняна (армянского) сняли. Это, между прочим, и идеологические дела тоже, а не просто за то, что завалили работу». Имел в виду их националистические наклонности, личные и в их «хозяйствах».

По уровню образованности и общей культуры Брежнев был весьма заурядный человек. Книг не читал. Единственный журнал, какой он брал в руки, это «Советский спорт». Очень любил смотреть футбол, хотя сам к спорту вряд ли когда имел прямое отношение.

Однажды, опять же в Завидово, Николай Шишлин, один из спичрайтеров, талантливый и образованнейший человек (он нам там наизусть читал «Спекторского» Пастернака и его гениальные стихи из «Живаго»), уговорил Генерального посмотреть только что вышедший фильм Тарковского «Рублев». В фильме, мол, раскрыта тайна отношений власти и творческого начала нации. Вечером сели в столовой, где нам временами показывали кино. Через 15 минут Леонид Ильич встал и пошел к выходу, бросил, махнув рукой: «Это все ваши интеллигентские штучки».

Горбачев и идеология. Начать тут приходится с того, что он не жаловал самого этого слова. Но был не из тех, кого Ленин упрекал в «нелюбви к теории». Напротив, у него с университета сложился вкус к обобщениям. И когда он захотел определить концепцию перестройки, то сначала употреблял слово «теория». Ему подсказывали: мол, называйте свой поиск «развитием марксизма-ленинизма» на новом этапе. Он отпирался. И остановился на термине «философия». Философия перестройки...

Должен сразу оговорить: Горбачев – враг схемы. Считал, что беда советской истории состояла в том, что стране навязали «схему» развития, причем – насильно, особенно это относится к сталинскому периоду.

Любил повторять ленинские слова: теория – это обобщение «творчества масс». К нему вполне применима формула, отнесенная к другому великому

историческому деятелю: «Творец событий и в то же время влекомый ими» (П.Б.Струве, «Patriotica». М., 1997, стр. 62).

Это, однако, не значит, что у него не было концепции перестройки – как проекта, что делать, чтобы страна двинулась вперед и чтобы освободить ее от тоталитарных пут.

Концепция эта соприкасалась и переплеталась с философией перестройки страны и международных отношений, но не совпадала с ней.

Философия же складывалась постепенно и оформилась окончательно уже после его ухода из Кремля, в Фонде его имени. Но довольно рано, начиная с его первой книги о перестройке, она получила наименование «новое мышление».

Я довольно много написал об этом. И воспроизводить не считаю возможным, как и разбираться, что о новом мышлении написано у нас и на Западе. Не все в «его составе» Горбачев придумал сам. Заимствовал у великих из прошлого, давнего и близкого. Заслуга его в том, что он их идеи и постулаты попытался перенести в реальную политику сверхдержавы, от поведения которой зависело само существование цивилизации в условиях холодной войны.

Тезисно, даже просто как напоминание о составе «нового мышления»:

- взаимосвязанность и взаимозависимость частей, образующих мировое сообщество;
- приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными и прочими;
- отказ от насильственных методов в политике;
- соединение политики с моралью;
- разоружение как материализация названных принципов, как форма реализации всеобщей взаимозависимости;
- экология выдвигается на первый план в мировых делах и требует всеобщего внимания и совместных усилий;
- каждая нация полноправна в обустройстве своей социальной жизни, вне зависимости от того межгосударственного расклада, который образовался в результате Великой войны;

- трансграничное вмешательство во внутренние дела допустимо в случае геноцида или такого ожесточения внутреннего конфликта, который грозит самоубийством страны;
- столкновение цивилизаций можно предотвратить;
- конвергенция разных социальных систем допустима и желательна, дихотомия капитализм-социализм устарела;
- тоталитаризм – явление историческое и преодолимое в XXI веке.

А как у Горбачева обстояло с проблемой **развития общества** в своей стране?

Начиная, он не сомневался в том, что социализм имеет право на существование и может быть исправлен и улучшен. Начиная, как и «шестидесятники», с идеи возврата к ленинским нормам и принципам, увлекся изучением последних ленинских работ, написанных после признания им, что «пошли не тем путем». Апеллировал к НЭП'у. Но ход перестройки заставил искать что-то иное. Тем не менее, вера в «социалистический выбор», сделанный якобы нашим народом, сохранилась у Горбачева до сих пор.

Меня это всегда удивляло. Он ведь знал историю не только по «Краткому курсу». А в ней, реальной истории, сначала была революция, превратившаяся с помощью большевиков во всеразрушающую стихию, которую им самим едва удалось унять и жесточайшими мерами сохранить страну как таковую. Потом предложен был НЭП, который народ принял. Но НЭП сменил «выбором», который навязал Сталин с помощью коллективизации, ГУЛАГ'а и большого террора. А когда «социализм был в основном построен» (Сталин объявил об этом в 1938 году), ситуация стала необратимой. Победа в войне зацементировала «сталинский выбор» еще на 40 лет.

Все перипетии, противоречия и драмы перестройки, даже ее кризис не отвратили Горбачева от «социалистического выбора» (как он его представлял в духе идеализированного марксизма). При принятии всех главных политических и экономических решений он оглядывался на него, полагая, что с этим согласно

большинство населения. И добился того, что в глазах публики, которая потом равнодушно взирала на разрушение государства, Горбачев и «социалистический выбор» стали «близнецы брата» (если по Маяковскому).

Приверженность к идее социалистического выбора – убежден – негативно влияла на ход перестройки, мешала ей, тормозила свободу поиска ответов и решений в реальной действительности.

В преддверии XXУШ съезда КПСС, в 1990 году, когда она уже основательно вползла во внутривнутрипартийный кризис и Политбюро не раз обсуждало вопрос, не исключать ли уклонистов и диссидентов из ее рядов, возникла идея смены «идеологической парадигмы» для унаследованной от большевизма партии.

Призваны были теоретики, которые должны были создать проект программы, предназначенной для придания КПСС почти социал-демократического облика.

Инициатива принадлежала, понятно, Горбачеву, как производное от его приверженности «социалистическому выбору». На съезде он был переизбран в Генсеки (правда, с большим числом проголосовавших против).

Новую программу прочили принять на внеочередном съезде КПСС в конце 1991 года. Но... помешал путч.

Мне всегда казалась эта инициатива нереалистической в стратегическом плане и непродуктивной – в тактическом.

У России не было и нет ни конкретно-исторических (опыта), ни социальных и экономических, ни институционно-политических (традиции), ни психологическо-ментальных предпосылок для восприятия социал-демократического образа жизни. Нельзя не упомянуть также пропагандистско-школьное поношение социал-демократии (на протяжении всей советской эпохи!) как чего-то чуждого, как врага. Так просто, как и ностальгия по советским временам, это не вытравляется даже через поколения.

Прошедшие с тех пор четверть века знали неоднократные попытки (в том числе со стороны Горбачева уже вне власти и даже многолетнего председателя

нашего Сената и кандидата в президенты – 2012) вдохнуть жизнь в социал-демократическую идею и даже создать подобную жизнеспособным на Западе свою российскую с.-д. партию. Все эти попытки кончались провалом.

Думаю, что в Россию демократия придет (если вообще придет-таки!) каким-то другим путем.

В отличие от Брежнева Горбачев был «человеком культуры. Это сыграло в судьбе его собственной и его политики, коварную роль. Колебания и сомнения – типично интеллигентская черта – вмешивались в проявления воли и решительности. Не в пример Ленину, который беспощадно отмежевался от интеллигенции и от интеллигентности.

Горбачев не только сам читал служебные бумаги, шифровки послов, разведчиков и контрразведчиков, за день пролистывал, бывало, сотни листов ТАСС'а, но читал и книги. Раиса Максимовна «принуждала», не взирая на его усталость от всего прочего. Прочел даже «Красное колесо». Особенно его поразила глава «Ленин в Цюрихе». Ходил передо мной по кабинету, никак не желая примириться с тем, что изобразил Солженицын.

Любил театр. И воспринимал его очень живо, я бы сказал, актуально. Помню его впечатление от пьесы Шатрова у «Вахтангова» «А дальше, дальше... дальше!» И особенно от «Мартовских Ид» Торнтон Уайльдлера (в том же театре). Вслух размышлял, экстраполируя пьесу на свою собственную судьбу, на перестройку.

Любил классическую музыку, ходил в Консерваторию. Под конец увлекся Густавом Малером, в симфониях которого слышал что-то свое.

Словом, без культуры в Генсеке ЦК КПСС не было бы никакой перестройки.

Недаром же, когда его однажды журналисты попросили одним словом определить, что погубило советско-сталинский режим, он с ходу ответил: «Культура!»

Заключение

Итоги Брежнева. Примерно с 1976-77 гг. Брежнев стал стремительно дряхлеть – и физически, и психо-ментально. Он уже не понимал, что читает с трибуны. Однажды, выступая в Баку при торжественном вручении знамени республике, перепутал тексты и начал зачитывать то, что приготовлено было для сугубо закрытого партийного совещания. Александрову (помощнику) с трудом удалось буквально сорвать с трибуны из-под рук оратора «не тот текст».

Косноязычие и немощь превращало его в посмешище. Но не давали уйти гомерическая лесть, лишавшая его способности к самооценке, гонор, умственное старение и «окружение»: тем, кто был рядом на самой верхотуре, не выгодно было его терять, он обеспечивал самим своим присутствием сложившийся и нужный им расклад сил во властных структурах и персонах.

Брежнев то ли подозревал, но делал вид, что не замечает, то ли не видел, а может в душе и соглашался с тем, что им стали манипулировать. Прежде всего – троица: Громыко, Андропов, Устинов. Один давил раскрученно у нас и вовне, «абсолютной компетентностью» в международных делах. Другой – льстивой преданностью и тем, что знал всё и обо всех и, конечно, демонстрацией успешного подавления крамолы. Дело Солженицына, Сахарова и помельче, а также массовый исход из СССР евреев – это его «работа». Третий, Устинов, – запугиванием американской военной угрозой. Остальные – поддакивали этим главным.

Кончилось это манипулирование Афганистаном.

Уход Брежнева был жалким, всеми ожидаемый, и уже не оплакиваемый никем.

Оставил он после себя дряхлеющую, как и он сам под конец жизни, державу с грозным пока фасадом, но гниющей и распадающейся начинкой по всем параметрам, кроме военной мощи.

Итоги Горбачева. Горбачев вырвал страну из «безвременья», которое, кстати, на Руси приравнивалось к «великому стыду и сраму», т.е. несчастью нравственному. Он включил движение Времени.

Последствия его деятельности:

- лишение партии государственного статуса, вынудившее из общества тоталитарный стержень;
- новое отношение к армии и вообще ВПК, лишившее их роли инструмента великодержавия и экспансионизма;
- гласность, которая снимала сакральность с такого атрибута тоталитаризма, как вождизм, унаследованный от векового царистского «инстинкта»;
- она же ослабляла в людях ответственность за свои слова, а позже и за поведение в обществе. Но главная ее функция – обратная связь власти с населением, которое постепенно могло бы консолидироваться в нацию иного рода, уже постсоветскую;
- прекращение политических репрессий и ликвидация ГУЛАГА как государственного института. Это подрывало **страх** – непреходящий феномен господства и управления в тоталитарном обществе;
- прекращение международной конфронтации помимо того, что устраняло угрозу мировой ядерной войны, оно убирало из общественного сознания и политики «образ врага» – непреходящий и существенный элемент советского хвастливого патриотизма;
- демонтаж централизованного экономического планирования и управления. Это подрывало один из главных тоталитаристских принципов – потернализм, порядок, когда государство – работодатель, а трудящиеся, т.е. народ у него по найму;
- признание на деле национальных прав, снимавшие с интернационализма статус безальтернативности для межнациональной общности;
- открытость внешнему миру, показавшая советским людям, что мы не лучше других, а даже хуже очень многих по своей способности обустроить достойную человека жизнь;

- «права человека» стали восприниматься не как удовлетворение жалоб и каких-то конкретных жизненных потребностей, а как некий универсальный «Nabeesus Corpus Act», позволяющий человеку чувствовать себя в безопасности от произвола власти, считать себя суверенным и держаться соответственно.

Вот по каким рельсам, положенным мной здесь необязательно в порядке значимости, спускалось советское общество из царства самодержавия и тоталитарности в свободные воды мирового человеческого океана, в поисках того, что называлось демократией, а на самом деле было чем-то совсем неведомым.

Хорошо это или плохо – вопрос не корректный. Во всяком случае, для историка. История, по пока еще признаваемому в ней смыслу, предназначена для высвобождения в человеке человеческого, заложенного в нем природой и Богом. Такой истории и служил Горбачев.

Горбачев считал, что к концу XX столетия человечество повзрослело, накопило порядочный опыт и знаний о себе, обладает уже необходимыми интеллектуальными и материальными ресурсами, чтобы изменить характер глобального развития в более гуманном направлении.

В одной из бесед его с Гельмутом Кодем канцлер будто в шутку сказал: «Мы с тобой, Михаил, успели ухватить историю за хвост!». Конкретно это касалось объединения Германии. Но Горбачев надеялся, что «ухватили историю за хвост» затем, чтобы подтолкнуть её ещё дальше в том же направлении, на котором удалось остановить холодную войну, конфрактацию двух систем, и можно будет регулировать мировой процесс, координируя разные интересы, средства и цели политики, проявляя доверие друг к другу и готовность к компромиссам.

При Брежневе сигналы, взывавшие к тому, чтобы дать ход именно этому направлению, появлялись. И Брежнев на них реагировал. Так что стране повезло, что в очень опасный период для человеческого сообщества одну из сверхдержав возглавлял такой человек, как Леонид Ильич Брежнев. Любой другой из его когорты мог бы стоять всем нам катастрофы.

Время Брежнева люди, по-видимому, будут связывать со всем тем хорошим, что было тогда в их личной жизни. Таков закон ностальгии.

Горбачев останется в идеях и начинаниях, которые еще очень понадобятся стране и миру.

Горбачев расшевелил заснувшую в гнетущей спячке нацию. Заставил ее встряхнуться, вспомнить, что с ней случилось в том веке, посмотреть правде в глаза. Задуматься над тем, что так больше нельзя, стыдно и надо что-то с этим «социализмом» и с непомерной «империей» делать.

Он предложил свой проект – Перестройку. Ее, было, подхватили, но не поняли и отвернулись, побоявшись рисковать – в который раз! В проекте – при всех возможных оговорках, был шанс на выход к нормальному цивилизованному развитию в по-новому меняющемся вокруг мире.

Никто не предложил стране ничего другого, достойного исторического вызова, кроме, как оказалось, шоковой терапии со всеми последствиями, далеко протянувшимися в XXI столетие.

Шанс был упущен. И, может, навсегда.

Главные же последствия деятельности Горбачева можно свести к двум пунктам:

- прекращение холодной войны, устранение угрозы мирового ядерного конфликта и возникновение новой парадигмы международных отношений;
- исчезновение СССР и возникновение еще 15-ти независимых государств.

О том, неизбежно ли это было, «хорошо или плохо» мы уже рассуждали. Но окончательный вердикт вынесут поколения в конце XXI века, когда, видимо, образуется «новое человечество», и то, что происходило до него, будет им восприниматься примерно так, как мы думаем, например, об античности.

Благодарности не будет. Внешний мир уже поблагодарил Горбачева, в том числе и Нобелевской премией. Россия же умеет лишь ругать своих прежних правителей, считая, что благодарить-то особенно и не за что: даже когда хотели ей как лучше, «получалось, как всегда»

Последние слова – в оправдание названия этого моего очерка.

Почему «двойной портрет», а не тройной и не даже пятеричный?

Хрущев – это переход к послевоенному периоду. (Андропов и Черненко – случайные мгновенья в истории). Собственно, послевоенный период начался при Брежневе. Он и Горбачев обозначили финал российской державы, основанной Петром Великим. Брежнев правил «без намерений», лишь бы сохранить власть и режим. Но подготовил его неизбежную самоликвидацию. Горбачев правил «с намерением», с целью. И осуществил поворот – последнюю революцию в России,¹³ открывшую простор в неопределенное будущее... Если оно вообще изначально предназначено было для России. Оно либо состоится в XXI веке, либо никогда.

27 марта 2012 года.

¹³ Если, конечно, понимать революционность не в полицейском смысле, а как выражение назревшей исторической потребности.